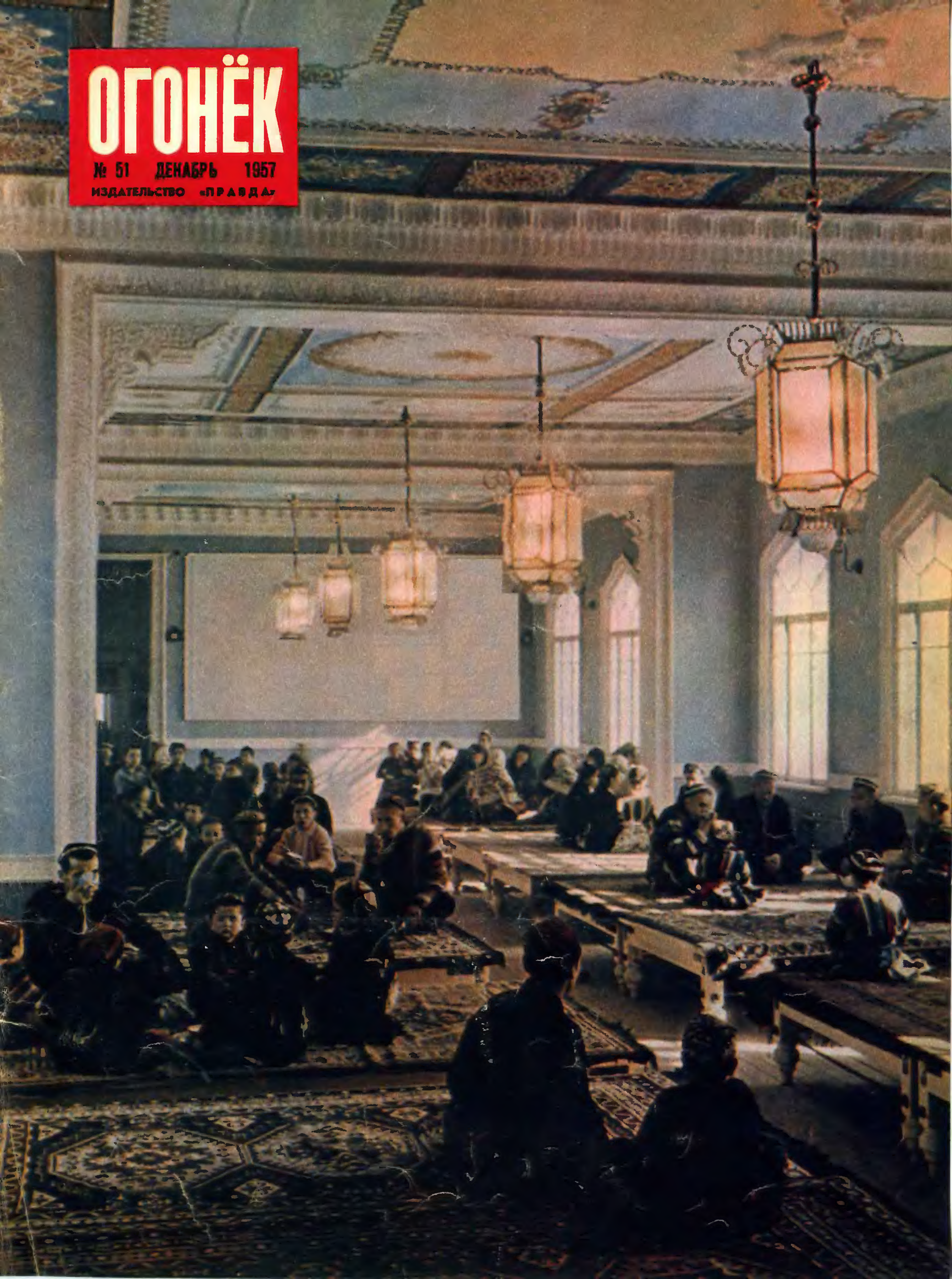

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Эстония. Кохтла-Ярве. В семье шофера Антона Йыги родились близнецы.
Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Чайхана во Дворце культуры колхоза имени Ворошилова, Ленинабадской области, Таджикской ССР.

На последней странице обложки: Заслуженный деятель искусств Таджикской ССР усто Максуд Салиев — один из оформителей Дворца культуры (см. в номере «Дворец на холме Арбоб»).

Фото И. Туннеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 51 (1592) 15 ДЕКАБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОЩНОСТЬ—200 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ

На Ленинградском металлическом заводе имени Сталина есть карта Советского Союза, составленная заводскими инженерами. По карте рассыпаны «горошины» — черные кружочки, которые обозначают электростанции, оснащенные турбинами марки «ЛМЗ».

Сколько же этих кружочков на карте? Очень много! Такое впечатление, будто сеяльщик горстями разбросал их по всем направлениям. Подсчитав все кружочки, мы получили трехзначную цифру.

Переводишь взгляд с одной точки на другую, и на память приходят пятилетки, новые электростанции и возникающие вокруг них индустриальные гиганты, могучие реки, покоренные советским народом.

Завод нынче юбиляр — ему исполнилось сто лет. В первый полувек своего существования самым сложным для него заказом были металлические каркасы для... куполов соборов. Первую паровую турбину металлисты создали в 1906 году. Хотя ее мощность равнялась всего лишь 200 киловаттам, но для старой России и это был подвиг. За первые 10 лет до 1917 года было выпущено 26 турбин общей мощностью 9 тысяч киловатт.

Гидротурбостроение возникло в советское время. Первая отечественная водная турбина с маркой «ЛМЗ» появилась в 1924 году. Эта машина мощностью в 377 киловатт смонтирована на электростанции в Окуловке. Ленинский план ГОЭЛРО превратил завод в гигант турбостроения. В тридцатых годах в Грузии возведена Рионгэс. Там установили 4 машины по 12 тысяч 600 киловатт. А спустя немного лет металлисты изготовили гидротурбину в 146 раз мощнее окуловской. Потом на карте все быстрей и быстрей появлялись новые кружочки. Каждая из 20 турбин Куйбышевской ГЭС по мощности почти в 2 раза превышает Волховскую ГЭС — первенца ГОЭЛРО.

Вечное движение вперед — вот девиз коллектива никогда не стареющего ленинградского завода. Большинство кружочков на карте удалено от больших и малых рек: это тепловые станции. И тут та же картина неудержимого движения вперед. Сразу после 1917 года завод выпустил турбины в 2 тысячи киловатт, а сейчас в цехах обрабатываются детали паровых турбин мощностью 200 тысяч киловатт.

На снимке: токарь Б. И. Соловьев обрабатывает вал ротора паровой турбины мощностью 200 тысяч киловатт.
Фото Б. Уткина.

СЕГОДНЯ ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ СУДОВ

Один из многих

Н. С. Капотов на встрече с избирателями.

Фото О. Кнорринга.

Очнувшись после тяжелого, многодневного забытья, лейтенант Капотов понял, что со службой в армии навсегда кончено: рукав рубахи был пуст, правую руку ампутировали. Это случилось в 1945 году. Тогда Николаю Сергеевичу Капотову было всего двадцать четыре года, он ушел на фронт сразу же по окончании средней школы, в разгар боев с фашизмом. В госпитале Капотов подолгу думал о том, что ждет его в будущем...

После выздоровления Николай Сергеевич стал работать в системе социального обеспечения. Сначала было очень трудно: жизнь ставила перед ним вопросы, на которые надо было отвечать. И отвечать правильно. После работы Капотов шел в библиотеку и там часами просиживал за книгами. Когда он стал студентом-заочником юридического института, в его зачетной книжке были только отличные и хорошие оценки.

И вот в 1953 году коллектив Московского лакокрасочного завода выдвинул коммуниста Николая Сергеевича Капотова кандидатом в народные судьи 7-го участка Киевского района.

Сейчас вновь фамилия Николая Сергеевича стоит в списке кандидатов в народные судьи.

Мы побывали на 7-м участке народного суда Киевского района. В перерыве между заседаниями Николай Сергеевич пригласил нас к себе в кабинет.

— Порой приходится слышать,— говорит он,— что сейчас скучно работать в суде, не то что раньше. Где громкие дела об ограблениях, убийствах? Конечно, и такие дела пока еще встречаются, но, к счастью, все реже и реже. На первый план все больше выступает воспитательная роль суда. Вот недавно было у нас дело: молодой паренек Женя С., рабочий-жестянщик, совершил мелкую кражу. «Зачем,— спрашиваю я его,— украл?» Молчит. Только слезы на глаза наворачиваются. Поругал я его здорово, прямо скажу. Но вижу: паренек в общем-то хороший, неиспорченный, вину свою признает, раскаивается. И суд принял решение: ограничиться условным осуждением. Ездил я потом к нему домой, спрашивал родных, соседей, как он себя ведет. Говорят: исправился паренек.

Нашу беседу прервал почтальон. Капотову принесли журналы «Социалистическая законность», «Советская юстиция» и другие.

— Когда же вы успеваете все это прочитывать?

— Если бы только это... Я готовлюсь к поступлению в аспирантуру, хочу специализироваться по трудовому законодательству.

Юл. СЕМЕНОВ

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ АРКТИКИ

17 декабря исполняется 25 лет со дня организации Главного управления Северного морского пути. Начальник управления, заместитель министра морского флота СССР А. А. АФАНАСЬЕВ рассказал корреспонденту «Огонька»:

За минувшие четверть века советские полярники сделали много для превращения Северного морского пути в нормально действующую транспортную магистраль. Трасса оборудована радио- и электромаяками, звуковыми туманными станциями, плавучими знаками ограждения. Изданы лоции морей Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского, составлены точные навигационные карты различных масштабов.

Сейчас Северным морским путем ежегодно проходит несколько сот судов. Среди них — дизель-электроход «Лена». На нем регулярно доставляются грузы в труднодоступные из-за тяжелых льдов пункты. С нетерпением ждем мы от судостроителей новых ледоколов мощностью в 26 тысяч лошадиных сил и атомного ледокола.

Советские ученые облегчили плавание судов на Крайнем Севере. Они разработали методы долгосрочных прогнозов погоды и льда. А ведь главное препятствие у нас — это Таймырский и Айонский ледяные массивы с толщиной льда от 2,5 до 6 метров.

Изучается также наиболее труднодоступный Центральный полярный бассейн, где сейчас работают две дрейфующие научные станции — «Северный полюс-6» и «Северный полюс-7». В нынешнем году в Арктике действовало более 20 дрейфующих автоматических станций и радиовех. Там не было людей, все нужные нам данные посылали автоматы.

Наши полярники проводят большую работу по программе Международного геофизического года. Запуская специальные метеорологические ракеты, они настойчиво изучают высокие слои атмосферы.

Арктика штурмуется широким фронтом. До революции здесь было всего несколько полярных станций, а сейчас — более ста. Научными наблюдениями охвачена огромная территория побережья и островов Северного Ледовитого океана. Морские порты Диксон, Тикси, Провидения превратились в настоящие промышленные и культурные центры. Здесь люди живут в благоустроенных двух — трехэтажных домах с центральным отоплением, водопроводом. Тут свои школы, клубы, больницы. Теперь здесь уже не в диковинку продажа свежего молока в магазинах. Среди полярников появились прекрасные животноводы. Доярка Х. И. Трухина с Диксона получила на ВСХВ Большую серебряную медаль, а доярка Е. М. Селедкова из Тикси — Малую золотую медаль.

Уже выросло поколение полярников, в паспортах которых значится: место рождения — Тикси, Диксон, Провидения...

Прочно вошла в жизнь и быт Арктики авиация. Самолеты и вертолеты ведут ледовую разведку и совместно с ледоколами проводят морские суда, поддерживая связь между полярными станциями. Авиалиния большой протяженности связывает Москву с Арктикой.

Арктика живет большой жизнью. Ныне это уже хорошо обжитый край, где советские люди строят города, порты, открывают новые месторождения полезных ископаемых.

XX съезд партии потребовал увеличить перевозки грузов по Северному морскому пути. Над решением этой задачи самоотверженно трудятся тысячи советских полярников.

На станции «СП-6».

Фото Ф. Шипилова.

ПОСЛЕДНЯЯ КВИТАНЦИЯ

— Хоть поздравили бы!.. — сказал Николай Козлов.

Фото О. Кнорринга.

Николай Козлов взял из рук таксировщицы бумажку, подержал минуту—другую на заскорузлой ладони, будто не зная, что с нею делать, и, вздохнув, сказал:

— Хоть поздравили бы!..

— С чем?! — Девушка вскинула на парня удивленные глаза.

— Как с чем?! Последняя ведь такая квитанция!

Козлов не спеша сложил бумажку и, пряча в боковой карман пиджака, пояснил, обращаясь к нам:

— Повезу матери. У нее их, всяких квитанций, полон сундук... С самой продразверстки. Истлели, а все хранит. А теперь крышка! В музей их самый раз, им там место...

Девушка-таксировщица, для которой оформление квитанций было наскучившим ежедневным занятием, вдруг оживилась, встала, протянула молодому колхознику руку. Широкое, грубоватое лицо его радостно светилось...

Наблюдая эту сцену, я невольно подумал о том, что, по сути дела, у нас на глазах буднично и незаметно уходит в прошлое целая эпоха.

Продразверстка. Продналог. Поставки..

И вот последняя квитанция...

С 1 января 1958 года хозяйства колхозников освобождаются от обязательных поставок государству всех сельскохозяйственных продуктов.

В маленьком городке пустуют сейчас несколько домов: ликвидированы районные конторы различных «заготов»... Отныне им нечего делать: закупкой продуктов будут заниматься непосредственно молокозаводы и мясокомбинаты.

На приемном пункте Кашинского мясокомбината Калининской области, где мы встретились с Николаем Козловым, в эти дни оживленно. То и дело к широким воротам подъезжают подводы и автомашины. Слышится хрюканье свиней, гусиное гоготанье.

Одновременно с Николаем Козловым последнюю квитанцию за поставки получила и бригадир той же артели «Красное Данильцево» Екатерина Баландина. Она, как и Николай, привезла гусей, белых, упитанных.

— Старалась, чтоб первым сортом прошли! — говорит Баландина.

Далекие, но близкие

...Зима. Тундра покрыта снегом. Легко скользят охотничьи нарты, привычно бегут олени. Охотники, довольные, возвращаются с хорошей добычей. Веселье рождает танцы, песни — и вот у разведенного костра ловко пляшут они в своих громоздких костюмах...

Москвичи сейчас впервые широко знакомятся с творчеством якутских артистов. Сюда приехали Государственный якутский музыкально-драматический театр имени П. А. Ойунского, ансамбль хомусистов Таттинского района, танцевальный коллектив Сунтарского района, самодеятельность Дворца пионеров Якутска, писатели, художники.

Молоды участники показа, молодо само искусство Якутии. Театр имени Ойунского — первый якутский — был создан в 1930 году. Его создатели и первые актеры — талантливые самородки — певцы, танцоры, сказители, олонхосуты.

Театр показал оперу «Ньургун Боотур». Она написана по мотивам одной из поэм народного эпоса «олонхо». Лет 15 тому назад был создан музыкально-драматический спектакль о героических подвигах смелого богатыря Ньургун Боотура. Два года назад поставили на этот же сюжет оперу композиторов М. Жиркова и Г. Литинского, которую сейчас показывают в столице. В спектакле заняты мастера и молодежь театра.

Вероятно, многие участники V и VI всемирных фестивалей молодежи запомнили выступление девушки-якутки Анастасии Лыткиной. В опере она поет партию героини. Молод и исполнитель заглавной роли Николай Баскаров, еще в недавнем прошлом охотник, рыболов, колхозник, затем студент Свердловской консерватории, ныне солист оперы. Его биография — это биография большинства якутских молодых актеров.

В Москве открыта ныне выставка работ якутских художников, прославленных резчиков по кости, дереву...

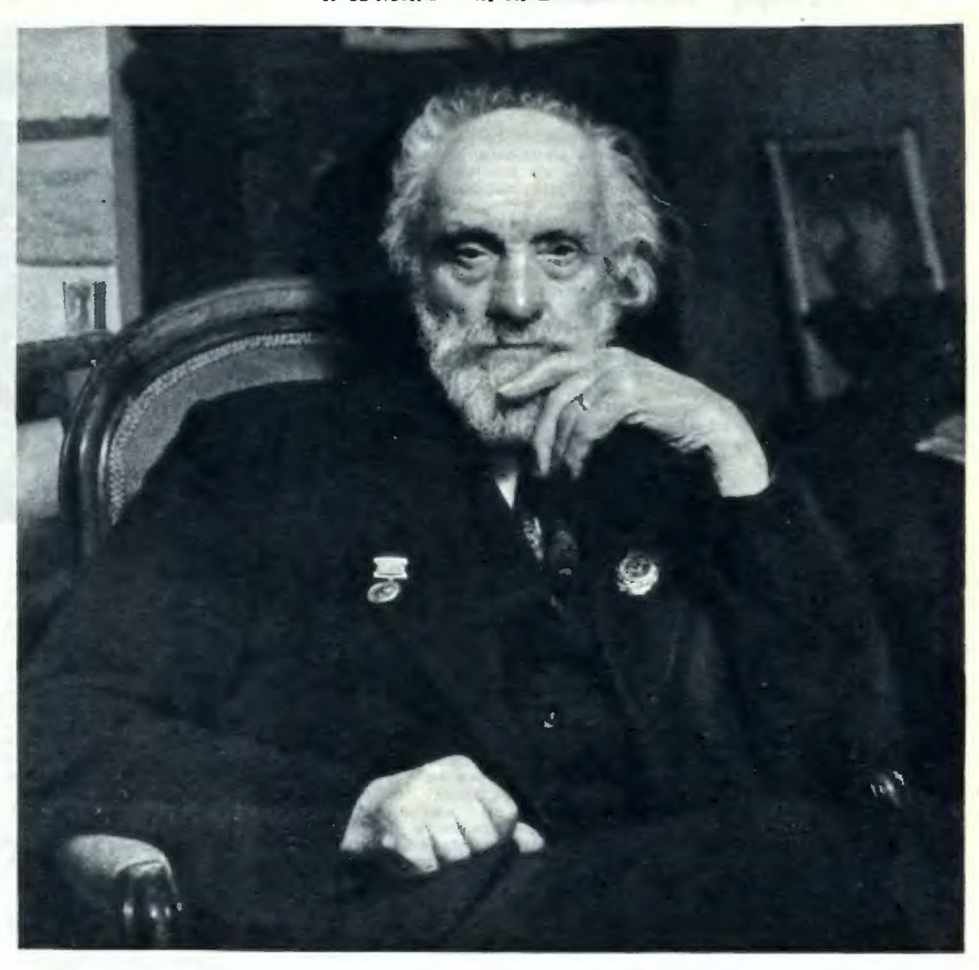
Большой интерес вызывает и выставка якутской литературы в Центральном доме литераторов. Здесь москвичи увидели много знакомых писательских имен. Роман Н. Мординова «Весенняя пора» известен и за пределами нашей страны, так же как и повесть Н. Якутского «Золотой ручей» и ряд других.

Сцена из оперы «Ньургун Боотур» в Якутском государственном музыкально-драматическом театре имени П. Ойунского.
Фото А. Новикова.

ХУДОЖНИК-ПАТРИОТ

К 95-летию В. Н. БАКШЕЕВА

Большой мастер русской советской живописи, ученик В. Е. Маковского, А. К. Саврасова, В. Д. Поленова — народный художник СССР Василий Николаевич Бакшеев всю свою богатую творческую жизнь продолжает лучшие традиции русского реалистического искусства. Его бытовые картины «Девушка, кормящая голубей», «Житейская проза», «За советом» и многие другие наполнены той жизненной правдой, которая не может оставить равнодушным зрителя. Мысль художника, строгая и логичная, строит композицию, рождает образы. Горячие чувства согревают его живопись.

Член товарищества передвижных выставок, после победы Октябрьской революции В. Н. Бакшеев примыкает к передовому направлению советских художников-реалистов. Его картины на темы революционной истории — «Ленин в Разливе», «Накануне 9-го января» — проникнуты глубокой верой в справедливость свершившейся революции.

Поэтические пейзажи Бакшеева, эпические, жизнерадостные, прославляющие красоту Родины, принесли мировую известность живописцу.

«Я твердо решил, что передавать натуру надо как можно ближе, в упор, вплотную, не давая преимущества ни форме, ни цвету, но чтобы была полная гармония и, главное, чтобы это было правдиво, верно и жизненно. Вот девиз, которому я следовал всю жизнь»,— так пишет Василий Николаевич Бакшеев в автобиографии.

Фото Л. Иванова.

Тут же, на приемном пункте, возникает разговор о будущем. Отмена обязательных поставок открывает небывалые возможности для роста животноводства, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников. А как сбывать мясо и молоко?

— Будем покупать у вас по закупочным ценам, — говорит начальник мясокомбината Константин Иванович Чумаков.

— Так... А нельзя ли полюбопытствовать насчет этих самых цен?

Чумаков достает ценник, начинает пояснять. Слушая, Николай Козлов щурит свои хитроватые глаза, что-то прикидывает в уме. С живностью в своем хозяйстве он замахнулся здорово. Еще прошлой зимой на его дворе стояли лишь одна коровенка да две овцы. А в эту зиму он пустил еще подтелка, купил и поставил на откорм боровка; есть пяток гусей, два десятка кур, овцы. С кормами стало значительно лучше: колхоз помогает. Конечно, мяса у него будет много. Но коль уж на то пошло, продать его он может и не только Чумакову, а и на рынке... И Николай прикидывает... Поехать на рынок — значит потерять день, а то и два. А они, эти два дня, тоже что-то стоят! Свинину, конечно, выгоднее продать в госзакуп... И гусей тоже. Цена подходящая. Вот только везти их сюда за сорок километров...

— Закупку и расчет мы будем производить на месте, — поясняет Чумаков.

«Это еще лучше, — думает Козлов. — Но подтелка я все-таки тебе не продам: на рынок повезу — выгодней». И Николай тут же выложил свои подсчеты Чумакову. Тот внимательно выслушал доводы колхозника и чуть заметно улыбнулся. Признаться, не поняли мы вначале эту улыбку. В самом деле: не уменьшатся ли с отменой обязательных поставок с хозяйств колхозников государственные заготовки мяса и молока?

Но когда некоторое время спустя мы поделились этими нашими сомнениями с Алексеем Николаевичем Беловым, председателем колхоза «Красный Путиловец», то и на его лице появилась та же улыбка.

— И пусть колхозник везет на рынок, — сказал Алексей Николаевич. — Рынок-то ведь тоже в нашем государстве! А недостачу в плановых поставках с лихвой покроют колхозы. Возьмем, к примеру, наше хозяйство. — Белов пододвинул к себе счеты, положил на них руку и задумался.

Алексей Николаевич — опытный хозяин. Послушать его доводы было очень интересно.

— В нашем хозяйстве, — говорил Белов, — объединены крестьяне шести деревень. Сто восемьдесят дворов. Они сдавали государству всего лишь пятьдесят шесть центнеров мяса...

Говоря, Алексей Николаевич для наглядности бросал костяшки счетов.

— Конечно, эти пятьдесят шесть центнеров имели значение, скажем, в 1953 году. Тогда даже наш неплохой колхоз производил одиннадцать центнеров мяса на сто гектаров угодий. А теперь? В этом году мы произвели по семьдесят центнеров. В пятьдесят восьмом догоним Америку. За один год прирост по тридцать центнеров на сто га. А всего триста шестьдесят центнеров! Как думаете, есть чем покрыть недостачу?

Белов сбросил со счетов все костяшки и оставил лишь две цифры — 56 и 360, — как бы давая нам возможность поразмыслить над ними.

— Но только недостачи этой не будет... — Алексей Николаевич вышел из-за стола, прошелся по кабинету. — Колхозник еще раньше нас подсчитал, что ему выгоднее везти на рынок, а что в госзакуп. Посмотрите, сколько у каждого колхозника свиней, овец, птицы!

...Николай Козлов уже получил деньги за сданных гусей и теперь собирался уезжать. Мы вышли проводить его. Было холодно. Николай поднял воротник и засунул правую руку за полу пиджака.

— Ты чего, или боишься квитанцию потерять? — пошутила Баландина.

— А то как же! Мать, небось, спросит. Столько она их сберегла, а уж последнюю и подавно сохранить захочет.

С. КРУТИЛИН

ВЕТЕР ГНЕВА НАД АНГЛИЕЙ

Сэм РАССЕЛ,
английский журналист.

«Его слова вызвали гнев всей нации»,— писал Дрю Миддльтон, лондонский корреспондент «Нью-Йорк таймс», рассказывая о впечатлении, которое произвело на англичан заявление, сделанное английским министром иностранных дел Селвином Ллойдом в палате общин 27 ноября.

Под бурные крики протеста лейбористских депутатов Селвин Ллойд должен был признать, что американские самолеты, патрулирующие над Англией, снабжены водородными бомбами. Ветер протеста, поднявшийся в палате общин, понесся над страной и превратился в бурю.

Да, гнев поселился в сердцах англичан. Даже «Таймс», которая редко раскрывает срок, чтобы упрекнуть в чем-либо «американского братца», вынуждена была написать на следующий день:

«Это было как удар грома, когда нам сказали, что американские бомбардировщики, базирующиеся на английских аэродромах, регулярно совершают полеты с грузом ядерных бомб. Разве это действительно необходимо? Опасения ни в коей мере не рассеялись и после ответов премьер-министра».

«Англичане хорошо помнят,— продолжала газета,— как в 1940 году неправильно понятое слово в шифрованном сообщении вызвало набатный звон в церквах, извещавший о вторжении, и кое-где уже готовились взрывать мосты». Автор статьи не умолчал и о такой опасности, что «один, два или три человека из экипажа могут оказаться переутомленными и...»

Газета «Таймс», собственно, сильно запоздала со своими предостережениями. Она могла бы выступить с ними еще 12 ноября, когда генерал Томас Пауэр открыто похвалялся на сессии парламентского совета НАТО в Париже, что одна часть экипажей его воздушной армии, насчитывающей две тысячи самолетов, спит у машин, готовых к вылету, а «определенный процент» бомбардировщиков находится постоянно в воздухе с грузом водородных бомб.

Уже на следующий день после этой речи бравого американского генерала Британский комитет защиты мира заявил:

«Эти слова, как никакие другие, подчеркивают с предельной ясностью, насколько серьезна опасность, нависшая над миром сейчас. Любой плохо понятый приказ, переданный по радио, любой нервный шок, какие нередки среди людей, живущих в постоянном напряжении, — и этого может быть достаточно, чтобы началась ядерная война. Мы не можем позволить, чтобы мир продолжал жить на грани катастрофы».

«Таймс» и другие буржуазные газеты замолчали это заявление. Но возмущение все шире распространялось в прогрессивных кругах. 20 ноября лейбористские члены парламента задали ряд вопросов министру обороны. Министр попробовал просто отмахнуться от них. Он заявил, что все это — «дело командования стратегической авиации США» и что, «чем выше степень их готовности, тем лучше для всех заинтересованных сторон». Ответ, естественно, никого не удовлетворил. Член парламента лейборист Фрэнк Аллон спросил, означает ли ответ министра обороны, что какой-нибудь американский генерал может дать сигнал своим бомбардировщикам, находящимся в воздухе, и русские и английские города будут разрушены прежде, чем британский кабинет соберется на заседание. «Кто отвечает за судьбу нашей страны?» — спросил Аллон.

Через несколько дней, 27 ноября, тот же Фрэнк Аллон задал в палате общин еще более прямой вопрос: существует ли соглашение между британским и американским правительствами о применении водородных бомб без предварительной консультации? Напомнив, что, по заявлению генерала Пауэра, бомбовозы с водородными бомбами находятся в воздухе с 1 октября, Аллон спросил: «Почему это невероятно опасное соглашение было скрыто от английского народа?»

Народ подал свой голос. Жители Ковентри, города, безжалостно разрушенного нацистскими бомбами, первыми начали национальное движение протеста. После Ковентри резкую резолюцию, обращенную к правительству, принял совет графства Стерлинг в Шотландии.

Алекс Макговерн, викарий Токвича, назвал полеты американских бомбардировщиков «невероятным и возмутительным вызовом». Делегация бывших военнослужащих явилась в американское посольство в Лондоне и вручила заявление, где говорилось: «Мы узнали с негодованием и отвращением, что американские самолеты с грузом водородных бомб летают над Англией,—мы требуем: уберите от нас этот смертоносный груз!»

От англичан, разумеется, не удалось скрыть, что формула Эйзенхауэра — Макмиллана о «взаимозависимости», выработанная в Вашингтоне, на деле означает, что самолеты с ядерными бомбами будут продолжать летать над их головами. Англичане не забыли: когда американские бомбовозы впервые появились на земле их родины, их тоже утешали словами о том, что «это всего на три месяца, с учебными целями». Три месяца превратились в десять лет, а «учебные цели» переросли в политику Даллеса, которую он сам назвал «политикой на грани войны».

Тысячи писем приходят к лейбористам, членам парламента, из всех уголков Англии. «Я глубоко потрясен,— сказал депутат от Йоркшира Дэвид Гриффитс.—Мы не можем больше тащиться следом за больными людьми из Соединенных Штатов. Давно пришло время начать переговоры с Советским Союзом».

Да, корреспондент «Нью-Йорк таймс», сам того не зная, сказал большую правду: возмущение овладело английским народом.

Член парламента лейборист Фрэнк Аллон выступает на митинге протеста на Трафальгар-сквере.

Письмо в редакцию «Огонька».

История снимка китайского батальона

В № 44 журнала «Огонек» за 1957 год была помещена фотография бойцов китайского батальона, действовавшего в арьергардных боях на Восточном фронте в 1918 году.

В наши дни, вероятно, нелегко найти человека, который мог бы сообщить подробнее об этой фотографии. Поэтому я считаю своим долгом помочь редакции журнала и историко-архивным органам в этом деле.

Этот снимок сделан на моих глазах, в последних числах сентября или в начале октября 1918 года в Кушве (Урал).

На снимке сфотографирована большая часть китайского батальона, временно приданного 1-му Крестьянскому Коммунистическому полку «Красных орлов», красноармейцем которого я был тогда. Этот полк широко известен на Урале.

В центре снимка я вижу командира полка «Красных орлов» тов. И. А. Ослоповского, рядом с ним комиссара полка тов. А. И. Юдина, а несколько выше помощника командира полка тов. С. Т. Окулова. Похоже, что на фото заснят командир 1-й бригады 29-й дивизии, хорошо известный на Урале и прославившийся своим героизмом тов. Ф. Е. Акулов. Рядом с этими товарищами находятся командир и комиссар китайского батальона.

Полк «Красных орлов» в это время находился в Кушве. Фотоснимок сделан на улице, на которой помещалось, если не ошибаюсь (ведь дело было 39 лет тому назад), заводоуправление или стоял дом управляющего заводом. В этом доме был штаб полка и жили командиры.

Китайский батальон состоял из рабочих-добровольцев уральских заводов, преимущественно горняков и шахтеров. Командирами тоже были китайские товарищи.

Все в нашем полку ценили и любили этот батальон за боевую стойкость, политическую преданность делу рабочих и крестьян, за поразительную выносливость и скромность его бойцов, командиров и политработников. Этот батальон прекрасно показал себя в боях против превосходящих сил белогвардейцев у станции Салка, под Кушвой, и у станции Выя.

В батальоне было много коммунистов. В боях батальон понес тяжелые потери, особенно в районе станции Выя, где был окружен, но не сдал позиций и дрался до последнего. В живых, может быть, остались одиночки... Этот последний бой у станции Выя был 29—30 ноября 1918 года. На батальон наступало не менее двух колчаковских полков, стоял 25—30-градусный мороз.

29-я стрелковая дивизия, в состав которой входили полк «Красных орлов» и китайский батальон, около двух месяцев прочно удерживала Кушвинский район боевых действий. Она не только оборонялась, но на отдельных этапах предпринимала наступательные действия частного характера, всегда успешные и дававшие большой тактический и оперативный эффект.

В частности, полк «Красных орлов» за разгром белых вблизи Кушвы был одним из первых полков молодой тогда Красной Армии награжден Красным знаменем.

Посылаю вам фотоснимок комсостава китайского батальона.

Ф. И. ГОЛИКОВ,
генерал-полковник.

Последний мяч

Встреча «Торпедо» — «Локомотив».
Фото В. Джейранова.

На штрафной площадке столкнулись два футболиста. Судья назначил свободный удар в непосредственной близости от ворот. Восемь торпедовцев стали плечом к плечу рядом с вратарем и, казалось, закрыли все щели. Оставалась лишь узкая полоска над головами. Раздался свисток. В. Ворошилов отбросил мяч вправо, и З. Калоев точно послал его в левый верхний угол ворот.

Это был последний гол сезона. Он принес победу «Локомотиву», определил места в турнирной таблице и оказался своеобразной точкой в затянувшейся футбольной летописи этого года.

...Тбилисское небо, словно выручая опоздавших футболистов, продлило теплые дни и даже щедро одаривало солнцем. Тбилисские болельщики, которые привыкли, что на их стадионе сезон открывается весной, но никогда еще не закрывался зимой, обрадовались этой неувязке в календаре как метеорологическом, так и футбольном. Свои чувства они выражали не только шумным поведением на стадионе, но и подарками. В торжественной обстановке на поле преподносили тяжелые корзинки с фруктами, цветами и вином. Однажды только вышло недоразумение: приготовили большую корзину для победителей, а малую для побежденных. Но матч закончился вничью. Пришлось содержимое обеих корзин соединить и сказать: «Делите сами».

Уже после первого матча, когда торпедовцы сыграли вничью со «Спартаком», внимание сосредоточилось на двух встречах «Торпедо» — «Локомотив». Обе команды в одинаковой степени могли претендовать на серебряные жетоны. В первый раз, как известно, победили торпедовцы со счетом 2:1, а во второй, с тем же счетом, локомотивцы. Итак, у трех команд стало по 28 очков. Они делили 2—4-е места, но по законной футбольной «бухгалтерии» на 2-е место вышло «Торпедо», на 3-е — «Спартак», на 4-е — «Локомотив».

Сезон окончен. Команды разыграли турнир, стали по своим местам и торжественно опустили флаг сезона.

Тбилиси.

М. МЕРЖАНОВ

«АВАНГАРД» В АРЬЕРГАРДЕ

Борис **ЛЯПУНОВ**

С некоторых пор в Америке стало популярным слово «Авангард». Да и не только в Америке: об «Авангарде» сообщала печать многих стран.

Ученые и журналисты, комментаторы и популяризаторы, обозреватели и политические деятели изо всех сил превозносили проект «Авангарда» — проект запуска первого в истории человечества искусственного спутника Земли. Нельзя сказать, что это была одна лишь рекламная шумиха.

Две тысячи участников национального съезда общества радиоинженеров в марте 1956 года собрались на специальный семинар, посвященный будущему спутнику «Авангард». В прочитанных на нем докладах обсуждались разнообразные вопросы: от способов запуска спутника на орбиту до питания приборов на такой летающей лаборатории, от наблюдений за ее полетом до передачи показаний приборов на Землю. Интерес к докладам был столь велик, что они немедленно появились в специальной прессе.

Участниками создания проекта стали лаборатории, полигоны и исследовательские центры военно-воздушных и военно-морских сил. Постепенно появились подробности того, что, казалось бы, осуществится самое позднее через год — полтора. Ведь две страны официально заявили о своем намерении создать искусственное небесное тело: Соеди-
ственное небесное тело: Соеди-
ненные Штаты Америки и Советский Союз. Шарик, несущийся вокруг земного шара, стал официальной эмблемой Международного геофизического года. За рубежом не возникало никаких сомнений в том, что шарик этот будет заброшен в небо американской ракетой, что на нем будет стоять надпись «Made in USA».

И в самом деле, откуда было бы взяться сомнениям? Достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на прошлое. «Выстрел профессора Годдарда» — вот наиболее типичный из заголовков, которыми снабдили американские газеты свои сообщения о пуске первой жидкостной ракеты. Профессор Годдард действительно много сделал для развития ракетной техники. Правда, лаврам ученого он предпочел полковничьи погоны, перейдя на службу в военное ведомство, и имя его исчезло со страниц газет. Нам не известны дальнейшие результаты его работ. Скажем только, что боевые ракеты, которыми вооружена была американская армия во время второй мировой войны, сильно уступали германским.

Этот недостаток американцы восполнили весьма своеобразным способом. Германские патенты, трофейные германские ракеты и, наконец, трофейные германские специалисты были вывезены за океан. Разумеется, все это — и техника и люди — не осталось без дела. Бывший главный конструктор дальнобойной ракеты «ФАУ-2» профессор Вернер фон Браун начал работать в управлении артиллерийско-технического снабжения американской армии, а затем стал техническим директором группы усовершенствования управляемых снарядов. Генерал Вальтер фон Дорнбергер, бывший начальник военно-испытательной станции в Пенемюнде, превратился в Америке в советника по управляемым снарядам.

Пенемюнде! Это название острова у побережья Балтийского моря, быть может, мало что говорит нашему читателю. Но на нем гитлеровцы еще в 1937 году оборудовали огромный научно-исследовательский центр для разработки ракет. Начались опыты. Одна за другой создавались ракеты, и в разгар войны жители Лондона первыми почувствовали, что такое оружие массового уничтожения. Центром в Пенемюнде постоянно интересовалась ставка фюрера. Мы просматриваем старые фотографии. На одной из них фашистский генерал Дорнбергер показывает свои владе-
бергер показывает свои владе-
ния рейхсфюреру СС Гиммлеру. На другой изображен взлет сверхдальнобойной ракеты, явившейся для того времени крупным достижением военной техники. И вот, наконец, еще снимок: тоже взлет той же ракеты, но только не с оккупированной немцами голландской территории, а с полигона Уайт-Сэндс в штате Нью-Мексико, США.

Недавно небезызвестная радиостанция «Свободная Европа» попробовала объяснить наш успех в области освоения Вселенной тем, что он якобы достигнут чужими руками, а именно — немецкими. Якобы похищенные нами немецкие специалисты и запустили первый советский искусственный спутник Земли. Но эту ложь вынуждены были опровергнуть сами же американцы. Фон Браун — «натурализованный» американец — признал, что находившиеся в «русском плену» немцы совершенно не знали о ракетных исследованиях советских ученых. Но как же тогда ответить на вопрос, который больше всего волновал мир: почему не американцы, уверенные в своем успехе, а русские оказались впереди? Почему «Авангард» оказался в арьергарде?

Ведь с каждым годом росли ассигнования на развитие управляемых снарядов. В пустыне Нью-Мексико и на мысе Канаверал во Флориде, в ряде других мест, как грибы после дождя, вырастали новые и новые базы, полигоны и центры.

С великолепных фотографий, ярких обложек журналов, популярных и непопулярных, на читателя угрожающе смотрели ракетные чудовища всех сортов с экзотическими названиями: «Честный Джон», «Капрал», «Юпитер», «Атлас», «Навахо», «Гермес», «Викинг», «Матадор». Усиленно рекламировалось семейство всевозможных снарядов от маленькой летающей «Мыши», предназначенной для вооружения самолетов, до дальнобойного «Капрала» и зенитного снаряда «Найк». Ими старались запугать и успокоить. Прежде всего запугать воображаемого противника — и на картах стрелы угрожающе протягивались к жизненным центрам Советского Союза и социалистических стран; и одновременно — успокоить свой народ, налогоплательщиков, которых уговаривали спать спокойно под охраной всесильной американской обороны, хотя для этого трудящимся приходилось снова и снова вытаскивать кошелек.

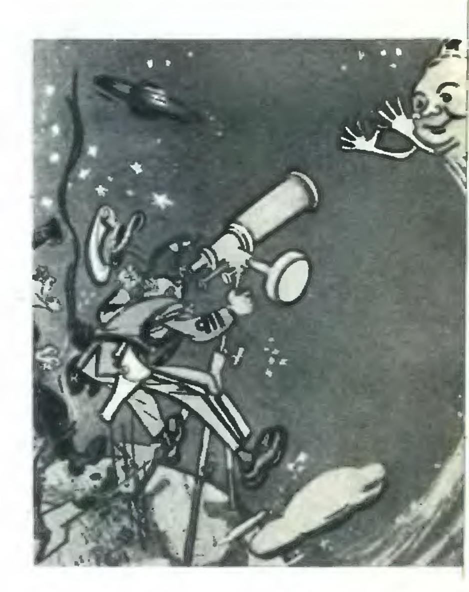
Члены всяких «оборонительных» блоков стремились не отставать от главного партнера. Пусть не в таких масштабах, но и они спешили внести вклад в гонку вооружений. И вот уже австралийский континент пересекает трасса гигантского полигона Вумера. К списку снарядов и ракет прибавляется французская «Вероника», и английский «Армстронг-Уитворт», и даже «нейтральный» швейцарский «Эрликон». А западногерманские реваншисты в ожидании, пока им удастся полностью развязать руки, начинают потихоньку восстанавливать свой военный потенциал.

Без крика, шума и сенсаций развивалась техника у нас, в Советской стране.

О полетах наших высотных ракет не оповещали сенсационные фотоснимки. Но пришло время, и на международной конференции
фотоснимки. Но пришло время, и на международной конференции
в Париже зарубежные ученые с удивлением узнали о замечательных достижениях русских.

Оказывается, «отсталая» Россия уже ряд лет систематически производит подъемы ракет в верхние слои атмосферы.

Еще не состоялись полеты в космос, но ученые-астронавты уже не раз обсуждали планы на будущее, обменивались опытом, говорили о сроках реализации своих смелых проектов. На одном из международных астронавтических конгрессов советский представитель академик Л. Седов заявил корреспондентам, что наша страна создает искусственный спутник Земли. Короткое заявление, без похвальбы и лишних слов — и только. Многие зарубежные наблюдатели подумали, видно, тогда, что русским нечего больше сказать. Зато чаще и чаще начали мелькать сообщения о проекте «Авангарда». Первый удар по самоуверенности капиталистического мира нанесла советская межконтинентальная ракета. Даже взрыв первой атомной бомбы не вызвал столь сильного волнения в человеческих умах. Иным политикам и военным было даже невозможно допустить самую мысль о том, что мы перегнали Соединенные Штаты. Канцлер Аденауэр попросту сказал, что русская ракета — миф. А уже упоминавшийся нами генерал Дорнбергер безапелляционно заявил, будто у русских нет «умения, умственных способностей и возможностей» опередить Америку в решении столь сложных технических проблем.

Сожрал бы мистер «кус железа»,
Да на небо не залезет.
Из журнала «Перець».

Тем временем виновник шумихи с проектом «Авангард» — маленький шарик, предназначенный для полета в небе, — продолжал мирно покоиться на Земле, в Вашингтоне. Американцы начали наверстывать упущенное. Видимо, отставание было бóльшим, чем они предполагали. Неудачи следовали одна за другой. Взорвалась в воздухе межконтинентальная ракета «Атлас». Грандиозным провалом окончилась широко разрекламированная попытка запуска спутника 4 декабря 1957 года. Через два дня новый взрыв оповестил мир об окончательной неудаче «Авангарда».
удаче «Авангарда».

«Упало давление», а затем упала и ракета, которая должна была поднять весьма уменьшившийся в размерах шарик — уже не в 45 килограммов весом и не в полметра диаметром, а всего полуторакилограммовую крошку. Пока что на счету американских астронавтов — запуск искусственных метеоровмалюток, которых никто не видел. А между тем две советские «Звезды Мира» продолжают обращаться вокруг нашей планеты. Первый спутник совершил 1 000 оборотов вокруг Земли. Теперь уже сомневаться невозможно: более убедительное доказательство, чем спутники, которых видят все, сигналы которых слышали всюду, трудно себе представить.

Сейчас мы можем запустить столько спутников, сколько будет необходимо. И мы будем рады, если другие страны последуют нашему примеру. В межпланетном пространстве всем хватит места! Советские люди хотят жить мирно на Земле и соревноваться не в производстве баллистических ракет, а в том, чтобы быстрее наступила эра освоения космоса Человеком.

БРОНЗОВОЕ КОЛЕЧКО

Рассказ

Ганс ЛЕБЕРЕХТ

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

На разрытом лугу, отгороженном с севера крутой стеной высокого холма, а с запада берегом озера, работают люди. Заполуденное августовское солнце припекает им головы. Обнаженный песчаный пласт под их ногами расчерчен на квадраты и напоминает географическую карту; сходство дополняется обгорелыми черными пятнами, которые, подобно материкам, пересекают океаны. Только эти океаны не голубые, как озеро у подножия холма, а такие красные, каким может быть только песок на юге Эстонии.

Полуголые загорелые парни осторожно снимают лопатами слой песчаной почвы с одного квадрата и бросают на большое решето. За работой парней издали следит высокий человек в выгоревшем костюме и надвинутой на лоб полотняной кепке, профессор Нымм.

Несколько женщин в стороне просеивают металлическими ложками землю в круглых небольших ситах. Это делается проворно и быстро под несмолкаемую беседу. Если б женщины не сидели на металлических тачках, можно было бы подумать, что хозяйки перетирают картофель или клюкву к обеду. Да вот еще присутствие профессора — его сутуловатая фигура порой четко вырисовывается наверху, на краю холма,— говорит о том, что здесь происходит нечто более важное, чем можно предположить при первом взгляде на такие примитивные орудия, как сита и ложки.

Самая молодая среди женщин — Маргарита Веттик, желтоволосая девушка, ей девятнадцать лет. Она не принимает участия в увлекательной беседе о любовных похождениях поселкового аптекаря. Когда позже, при виде прибежавшей рыжей лохматой собаки, разговор переходит к тому, как извести блох в доме, и затем к качеству стиральных порошков, отпускаемых тем же аптекарем, то и тогда Маргарита молчит, потому что она молода и у нее нет жизненного опыта. Однако это не мешает ей живо поводить во все стороны зоркими синими глазами и задорно улыбаться про себя, словно бы она все же имела собственное мнение о самых сложных жизненных вопросах.

Никто, даже профессор, не называет девушку Маргаритой, а просто Макки. Да в ней и нет ничего от нежного, бледного цветка, робко прижимающегося к земле. Белесый пушок на ее коричневых от загара гибких руках скорей напоминает жестковатый обжигающий пушок крапивы. Макки горланит порой не хуже мальчишки, а когда она с криком летит стремглав вниз по крутому склону холма, профессор всегда пугается и, заикаясь, начинает:

— Пос-слушайте, это же...

Но он никогда не успевает докончить фразы: Макки уже несется по лугу к озеру, рыжий лохматый пес с восторженным визгом гонится за ней, чья-то овца в панике срывается с прикола, грачи с суматошливым криком поднимаются с дерева... Даже загорелые, как мулаты, парни на минуту втыкают лопаты в мягкий красный грунт и пронзительным свистом выражают одобрение Макки.

Только один человек никогда не обращает внимания на Макки. Это Ильмар Пейль, студент художественного института из Таллина. Он сидит на перевернутом ящике с папкой на коленях и срисовывает цветными карандашами карту земли, пласт за пластом выходящей из тьмы столетий на солнечный свет. Студент угрюм и молчалив, он, кажется, никого и ничего знать не хочет, кроме своей папки, и так усердно склоняется над рисунком, что чуть не касается его длинной прядью каштановых волос, свесившейся со лба.

...Макки снова набирает в сито землю из кучи, и ложка в ее руках проворно мелькает. Она почти не замечает болтовни женщин, глаза ее в это время обегают работающих и чаще, чем на других, задерживаются на студенте.

Она замечает, что карандаш в его руках останавливается, и он, не то разморенный солнцем, не то глубоко задумавшись, тупо смотрит на лист бумаги. О чем он только думает? В глазах Макки мелькает сердитый огонек, ложка в ее руках начинает ходить энергичнее, чем это рекомендует профессор, и вдруг со стуком натыкается на нечто твердое...

Макки поспешно вылавливает предмет и осторожно очищает его зубной щеткой от приставшей земли.

— У меня находка! — Ее звонкий голос слышен на всю площадку.

Женщины на минуту смолкают и поворачивают головы. Но только на минуту... Наметанным взором они уже издали определяют, что Макки держит в руках всего-навсего осколок глиняной посуды, каких немало найдено за это лето. Подумаешь, находка...

Не спеша подходит профессор и, прищурясь, разглядывает почерневший черепок с несложным узором.

— Десятый век...— одобрительно бормочет он.— Интересно, весьма интересно... Заприходуем...

Продолжая вертеть в руке осколок, он направляется к дощатому домику в тени старой рябины. Макки спешит туда же: ей не терпится посмотреть, как профессор запишет ее находку в книгу.

Но так как профессор бредет медленно, продолжая на ходу рассматривать черепок, то Макки успевает забежать вперед и останавливается за спиной студента.

Он по-прежнему не обращает внимания на девушку, как будто Макки с ее находкой не существует на свете, и, сморщив лицо, всматривается в землю под ногами.

Макки хочется вырвать карандаш у равнодушного студента, толкнуть его под руку или каким-нибудь другим способом выразить свое презрение к нему. Передразнивая его, она спускает на нос белокурую прядь волос, трагически морщит лоб, выпячивает нижнюю челюсть и изображает на подвижном лице отчаянное уныние.

Парни с лопатами хихикают.

По их смешкам студент догадывается, что за его спиной происходит неладное, но ему лень повернуться, да и стоит ли обращать внимание на проделки какой-то глупой девчонки?

В своем ожесточении Макки не замечает, что профессор Нымм также остановился и рассеянно разглядывает их.

— Да, да, интересно...— бормочет он, и не

совсем понятно, относятся ли его слова к находке или к Макки.

Профессор кладет черепок в бумажный пакетик под номером и под таким же номером делает запись в книге. С этого момента осколок, пролежавший в земле тысячу лет, как бы вновь возрождается к жизни; он попадает в светлые университетские залы, к нему начнут подбирать другие осколки, по ним художники вылепят первоначальную форму сосуда. Профессор Нымм заставит осколки говорить.

Положив бумажный пакетик в сундук, где лежит много других находок, профессор выходит из домика и медленно взбирается по склону. На вершине холма — плоское плато древнего городища, величиной с крестьянский двор; Нымм вел эти раскопки два года назад. Теперь он раскапывает место не менее древнего поселения у подножия городища.

С вершины холма видно далеко. Внизу справа лежит круглое, как чаша, озеро. Узкая перемычка суши отделяет его от другого озера, вытянутого в длину, как острие древнего копья. Вдали за крутым холмом, поросшим темным еловым лесом, заманчиво синеет край третьего озера. Между озерами высятся круглые холмы с полями, с крестьянскими домами. Дороги, побелевшие и потрескавшиеся от жары, вьются по склонам холмов.

Теперь, когда солнце бьет прямо в лицо профессора, видно, что он стар, ему за шестьдесят; на лбу, словно трещины на выжженной солнцем глинистой дороге, легли острые морщины. Нымм бреет бороду и усы, очков не носит и скорей похож в своем поношенном, выгоревшем костюме на старого сельского учителя, чем на известного профессора.

Он пытливо смотрит вниз, и глаза его задерживаются на отдельных островках, постепенно выкапываемых из земли. В этих бесформенных на первый взгляд, почерневших грудах камней профессор недавно нашел куски шлака и понял, что открыл печи, в которых предки плавили железо. Открытие взволновало его.

В пять часов рабочие сложили инструменты в дощатый домик. Местные, в большинстве женщины, вернулись в поселок; приезжие, студенты-практиканты, остались играть на лугу в мяч.

Профессор пошел обедать. Он обогнул холм, перешел обмелевший ручей в тени ольшаника и оказался перед домиком с палисадом. В этом домике профессор снимал веранду, утонувшую в кустах сирени.

Пообедав на хозяйской половине, Нымм ушел к себе в стеклянную клетушку, где с трудом размещались небольшой стол, стул и железная кровать, покрытая серым шерстяным одеялом. Несмотря на тесноту, профессору здесь нравилось жить: тут было много света, и ветки сирени днем и ночью с шорохом терлись о стекла окон.

Засунув длинные ноги под стул, Нымм сделал заметки в блокноте и просмотрел газеты. Затем торопливо взглянул на ручные часы и надел кепку.

Несколько лет назад болезнь привела профессора в больницу, и теперь врачи предписывали ему строгий режим и ежедневные прогулки. Тогда, в больнице, он дал себе слово сделать все, чтоб избежать второго приступа болезни. В то время ему нужно было минимум два года жизни, чтобы закончить большую работу. Теперь эти два года истекли, но надвигалась другая работа, и он сейчас даже затруднялся определить сроки ее окончания.

Профессор спустился со ступенек и направился к берегу озера. Спокойная прозрачная вода отражала блекло-синее небо, ржаво-красную лодку и студента Пейля в ней. Он сидел с удочкой, сидел, должно быть, давно уже, потому что весла, поднятые на корму, утеряли блеск, высохли. Волосы, как обычно, свисали на лоб. Дремал он, что ли?

Что-то заставило профессора перевести взгляд от лодки к старому крестьянскому дому на другом берегу озера. В раскрытом настежь окне виднелась желтоволосая пушистая голова Макки. Издалека было заметно, что гребень поработал над ней. На Макки была новая блузка, ослепительно белая, как сигнал, призывающий к перемирию.

Но студент не замечал никаких сигналов, потому что, как всегда, сидел спиной к Макки. Да и вряд ли он что-либо замечал...

Профессор усмехнулся и пожал плечами. «В сущности, он, кажется, славный парень, хотя и спит на ходу. Мрачная скорбь на его розовом лице понятна: легкомысленная девадонокурсница не ответила взаимностью, и несчастный бежал под сень археологии. Бедная Макки!»

Мысли профессора перескочили к обгорелым очагам, отрытым у подножия городища. Он наткнулся на них месяц назад. Наверху он нашел лишь одну плавильную печь, внизу же их оказалось гораздо больше. И это на крошечном куске отрытой земли — они вскопали только десятую часть древнего поселения! Как истолковать открытие? Не носил ли этот поселок своеобразного промышленного характера?..

Нымм до находки предполагал закончить работы осенью, но вот появились эти обгорелые очаги и спутали все его планы. Теперь не было сомнения, что раскопки необходимо продолжить. На это, по самым сжатым срокам, нужно положить два, а то и три года, да еще год на обобщение материалов... Выходит, он с его больным сердцем должен прожить еще четыре года! При первом приступе болезни он мечтал только о двух годах, и они прошли, а теперь ему нужно от жизни еще целых четыре года!

Последние годы приносят профессору все больше чудесных сюрпризов, люди уделяют все больше внимания работе, которой он посвятил жизнь. Никогда у него не находилось в печати столько трудов, сколько сейчас, все чаще беспокоят редакции журналов, идут письма из дальних уголков Советского Союза. Когда он открывает дверь в лекционный зал, словно порыв ветра проходит по аудитории.

Профессор сам удивляется проворству, с каким ему удается взобраться на вершину холма. Отсюда за несколько километров видны белые дома и крыши поселка в дальней долине. Из высокой трубы маслобойни выходит коричневый дым и тает над старыми серебристыми ивами.

Снова видна лодка на круглом озере и неподвижный человек в ней.

«Он все еще дремлет там? — удивляется профессор.— Значит, и Макки сидит у окна?»

В сердце профессора просыпается досада. «Милый мой, ты олух! — укоризненно думает он, обращаясь к человеку в лодке.— Ты просто не замечаешь своего счастья... Эта девушка с ее неуемной энергией, верной душой и любовью к жизни создана для тебя, она поможет тебе выйти в люди. Из вас вышла бы чудесная пара. Послушайся старика, и все будет хорошо...»

Утро следующего дня снова выдалось солнечное. К полудню небо затянуло прозрачной белесоватой дымкой. Рыжий лохматый пес бродил, высунув язык от жары, полуголые студенты то и дело бегали за холодной питьевой водой к ключу в овраге. Парило.

День оказался удачным: завистливая и косящая на левый глаз старуха Леени нашла бронзовое колечко. Профессор потер его об рукав пиджака, и бронзовое кольцо заблестело под солнцем.

Посмотреть на колечко сбежались все, даже Ильмар Пейль оставил свою папку. На кольцо действительно стоило полюбоваться: оно изображало змейку, свернувшуюся в три оборота; тонкость работы изобличала мастера. От тысячелетнего пребывания в земле оно оксидировалось и казалось покрытым драгоценной зеленой эмалью.

Студент попробовал надеть кольцо на палец, но оно не лезло.

— Оно мало для вас,— сказал Нымм, внимательно глядя на студента.— Попробуйте, наденьте его на палец Макки...

Макки ахнула, кровь сначала отлила от ее смуглых щек, затем они вспыхнули и загорелись; она, как зачарованная, испуганно смотрела на студента.

Он, начиная и сам безотчетно смущаться, удивленно покосился на профессора.

— Да, да, наденьте, не бойтесь! — строго приказал профессор.

Студент увидел перед своими глазами смуглую гибкую руку, покрытую пушком, какой растет на листьях крапивы. Тонкие пальцы тоже были смуглы, как кора орешника. Кольцо легко наделось на палец, коричневый не только от загара, земли, но и от картофеля из отцовского огорода.

— Оно словно бы сделано для Макки!..— торжественно сказал профессор.

Вокруг сочувственно улыбались.

Засмеялась и Макки, но сразу же смутилась, смешалась, глаза ее влажно блеснули, она закрыла лицо ладонями.

Старуха Леени поспешно поджала рот, похожий на устье табачного кисета, и с любопытством скосила левый глаз.

— Попрошу внимания, коллеги! — Профессор выступил вперед и, мягким движением сняв с пальца Макки кольцо, поднял его над головой.— Прелестное колечко, не правда ли? Девятый или десятый век нашей эры... Как мы с вами видим, это — женское колечко. Наши предки придавали изображению змеи значение талисмана. Колечко должно было отводить зло от носителя, защищать от напастей. Даря такой талисман девушке, юноша как бы желал оберечь ее от несчастий на всю жизнь...

Профессор говорил звучным голосом, как в аудитории, обводя всех умным насмешливым взглядом и постепенно сам увлекаясь.

Все глаза, даже косой глаз Леени, с интересом смотрели на него. Только один студент беспокойно озирался и словно искал кого-то...

Макки уже бежала внизу по ту сторону городища вперегонки с рыжим лохматым псом.

После обеда профессор по обыкновению вышел на прогулку. На берегу озера он вдруг остановился.

Лодку студента он обнаружил гораздо ближе к дому родителей Макки, чем обычно. Мало того, студент сидел лицом к окну, в котором виднелась сама Макки. И они, кажется, переговаривались. «Удивительно!..» — покачал головой старик, и глаза его лукаво блеснули.

Макки исчезла, а лодка продолжала медленно подвигаться к зарослям тростника.

«Теперь Макки у зеркальца от нетерпения обламывает гребешок в своих кудряшках, чтобы достойно выйти на берег», — говорил себе профессор.

Что-нибудь в этом роде думал, наверное, и студент, но оба они ошибались. Путь к берегу для Макки был гораздо труднее, чем они предполагали.

Двери ей загородил младший братишка и требовательно заревел. Пришлось его посадить на глиняную посудину с отбитой ручкой. Тут же Макки с ужасом вспомнила, что мать велела накопать картошки, а она об этом совсем забыла... Закусив губу, она одним прыжком выскользнула с корзиной в дверь, и в огороде стала взлетать кверху картофельная ботва вперемешку с комьями земли.

Не успел Ильмар Пейль пристать к берегу, как уже картофель, окаченный водой из ведра, со стуком низвергался в котел. Теперь оставалось только запереть дверь кладовки, чтобы в нее не забралась кошка, сунуть в руки Веттику кусок хлеба с маслом и загнать глупую наседку с цыплятами в угол сарая.

Однако, когда через несколько минут Макки, томно опустив глаза, не спеша спускалась к лодке, никто бы не сказал, что она только что, словно на пожаре, носилась между домом, сараем и огородом.

Профессор зашагал дальше, слабо улыбаясь и думая, что бронзовое кольцо, очевидно, не потеряло своих чар за многие годы пребывания в земле.

Он встретил свою хозяйку, добродушную женщину в очках; она катила тележку с овощами.

Удивившись радостной улыбке на лице Нымма, хозяйка тоже улыбнулась и сказала:

— Добрый вечер. Вы последнее время так хорошо выглядите!

— У меня такое чувство, что я здесь молодею, — весело сказал он и вежливо добавил: — Благодаря вашим заботам.

Парило несколько дней подряд, но только на третий день небо обложило бурыми тучами и разразился ливень. Озеро у городища дымилось и кипело пузырями; по склонам холмов вниз устремились желтые пенистые ручьи, позабытая на приколе овца мчалась по кругу и отчаянно блеяла. Ливень прошел так же быстро, как и налетел; по мокрым листьям омытой сирени снова масляно заструился солнечный свет, над дорогами поднялся легкий пар, и травы к вечеру высохли.

В сумерках профессор лежал на койке и мысленно набрасывал конспект одной давно заказанной ему статьи, когда за кустами сирени, окружающими веранду, послышались голоса.

В первую минуту Нымм не обратил на них внимания: в двух шагах от палисадника проходила дорожка на поселок, и прогуливающиеся дачники изредка присаживались на почерневшую скамью у ветхого заборчика. Но затем профессор потерял нить мыслей и прислушался одним ухом: молодой басок и приглушенный нежный женский смех показались вдруг Нымму знакомыми. Уж не Макки ли?.. А с ней студент Пейль... Может ли это быть?

Он приподнялся, затаил дыхание и явственно расслышал, как мужской голос весело сказал:

— Не бойся... Наш старичок уже храпит, наверное...

Но тут во внутреннюю дверь веранды постучали, и показалось красное от кухонного жара лицо хозяйки.

— Простите, — озабоченно заговорила она. — Я не помню... Вы, кажется, не едите моркови?

Он сделал испуганное движение рукой и поспешным шепотом ответил:

— Ем... ну, конечно, ем...

Хозяйка с удивлением уставилась на его взволнованное лицо и, тоже понизив голос, виновато забормотала:

— Простите, значит, я вас с кем-то другим спутала... Тогда я к вечеру подам тушеную морковь.

— Пожалуйста... сделайте одолжение, — торопливо закивал он головой.

Лоснящееся лицо хозяйки скрылось. Профессор с нетерпением прислушался, но за сиренью стало тихо.

«Однако, — поморщившись, подумал он. — «Старичок»... Очень мило. И откуда моему юному коллеге известно, что я храплю во сне? Я ведь храплю действительно, и жена мне всю жизнь этого простить не может...»

Профессор постарался вновь сосредоточиться, но мысли, только что теснившиеся в голове, словно метлой вымело. Чувствуя, что сегодня работать не удастся, он с досадой потянулся и подумал, что надо бы написать письма жене и взрослой дочери-хирургу.

Он придвинул бумагу и задумался. Ему представилось морщинистое лицо жены со строго поджатыми губами. Оно почему-то напомнило Нымму его учительницу математики в дни далекого детства. У той тоже было такое же умное лицо и с достоинством поджатый тонкий рот. Смешно вспомнить, как он когда-то боялся ее...

Его жена была не учительницей, а искусствоведом и работала в художественном музее, но не побаивался ли он и ее всю жизнь?.. Они прожили тридцать пять лет под одним кровом, прожили их без ссор и раздоров. У них были дети. Каждый имел свое дело в жизни; жена гордилась тем, что в их семье все относились друг к другу с умным взаимопониманием, без излишнего слепого обожания и сентиментов. Их брак даже ставили в пример.

И все-таки к профессору иногда, когда он оставался один, приходило смутное чувство неудовлетворенности, и ему казалось, что чего-то не хватало в их браке. Не хватало всегда, всю жизнь...

Особенно остро было это чувство сейчас, когда он через открытые окна веранды видел затухающее пепельное небо над темными холмами. Он пристально смотрел на чуть рдеющую еще на западе багряную полосу и неожиданно спросил себя: а что, если бы можно было скинуть с плеч лет сорок и вернуться к дням, когда он был молод, — повторил бы он свой выбор?

Он глубоко задумался и не смог сразу ответить. «Одно ясно, — с грустной иронией сказал он себе, — ты бы тогда, друг мой, не стал хлопотать о счастье своего юного неблагодарного коллеги... Ты бы тогда, возможно, сам надел это бронзовое колечко на палец Макки. Да, да... и мне кажется, ты не ошибся бы...»

Профессор энергично встряхнул головой, отгоняя странные мысли. Очевидно, письма следовало отложить до более подходящего момента.

Он накинул пиджак и вышел освежиться перед сном.

Подумав, Нымм направился к городищу, но не обычной тропинкой; он подошел с северной стороны, здесь в твердом грунте крутого склона, поросшего лесом, были проложены ступени. Эту лестницу Нымм обычно считал слишком трудной для своего сердца, но сейчас у него родилось задорное желание испытать себя.

Сердце гулко забилось, когда он добрался до половины подъема, в голове зашумело. Он остановился передохнуть.

Из-за деревьев и чащи кустарника, с вершины городища, донеслись детские голоса; розовый свет вспыхнул наверху и осветил желтый ствол сосны над головой старика.

«Пионеры пришли жечь свой традиционный костер», — догадался он и, отдохнув, упрямо полез вверх, откуда доносились детские голоса.

Он вышел в круг света неожиданно для детей. Наступила тишина, девушка-пионервожатая смущенно поднялась с травы, а вслед за ней нестройно, но поспешно вскочили дети. Они салютовали ему поднятием рук; он видел их блестящие глаза, восторженно раскрытые рты.

— Добрый вечер, добрый вечер!.. — смущенно раскланялся он. — Не примите только меня, чего доброго, за тысячелетнего духа этого городища...

Дети хором рассмеялись.

— Мы знаем вас! — воскликнула девушка.

Он еще раз поклонился и направился к склону, под которым велись раскопки.

Внизу кто-то ломал сучья в кустах. Узнав в густых сумерках ночного сторожа, Нымм поздоровался с ним.

— Все в порядке, профессор... — сказал сторож негромким тенорком. — Вот, думаю, дай-ка костер разожгу. И веселее, и от комаров спасение...

— У костра хорошо... — так же негромко отозвался Нымм и тоже стал собирать сучья, нашаривая их почти ощупью.

Хворост они складывали у подножия холма, поближе к берегу.

Со стороны озера, подернутого седой пеленой тумана, неожиданно донесся звучный всплеск.

— Рыба! — встрепенулся сторож и застыл, вглядываясь в сумрак.

— Большая, видно, — пробормотал профессор.

Сторож стал шарить по карманам, должно быть, ища спички.

— Я вот давеча на озеро смотрел, и все мысли разные лезли... — негромко заговорил он. — Вспомнился крючок рыболовный, что на прошлой неделе в земле нашли. Такой, помните, вроде кривого ржавого гвоздика?

— Да...

— Нам теперь трудно представить, чтоб рыба на такой грубый крючок поймалась, — вздохнул сторож. — А ведь, поди, большая ценность была, крючок-то. По нему одному понять можно, как плохо жили.

— Да, конечно, — согласился профессор. — Нелегко нашим предкам приходилось. Весьма и весьма...

— Однако все же и колечки откапываются, — бормотал старик с недоумением в голосе, продолжая шарить в карманах. — Значит, и любовь была и все такое?..

— И любовь была, как же... — словно эхо, повторил профессор.

Сторож почесал затылок и виновато проворчал:

— И куда они могли подеваться, спички-то?.. У вас не найдется?

— Я не курю.

И оба, словно сговорившись, подняли глаза к вершине холма, где за деревьями все ярче разгоралось пламя, изредка вверх взлетали веселые снопы искр и раздавались ликующие детские голоса.

— Придется к детишкам подняться, — решил сторож и скрылся в темноте.

Нымм, поеживаясь от ночной сырости, стал слушать, не плеснет ли еще рыба в озере, старался разглядеть дом Макки на противоположном берегу. Но окна дома были темны, а плеска больше не раздавалось. Тем ярче казался свет на холме и тем громче звучали детские голоса.

Наконец на черном склоне холма загорелся огненный глаз и поплыл к профессору, медленно кружась в воздухе.

— Несу, — сказала темнота довольным старческим голосом. — Сейчас...

Старик сунул уголек в кучу хвороста и подул на него; вспыхнул язычок пламени и ярко осветил морщинистые, натруженные руки.

Внизу у берега послышались овечье блеяние, позвякивание цепи и сердитый женский голос. Профессору показалось, что он узнает голос хозяйки.

— Овца дура, — с презрением сказал сторож, — никуда не убежит от своей судьбы. С нее как тысячу лет назад шкуру драли, так и сейчас... А человеку время большое облегчение принесло.

— Не время принесло, а человек сам отвоевал, — внушительно поправил Нымм. — Отвоевал руками, мозгом, сердцем...

Таллинский порт.

Фото Я. РЮМКИНА.

Доярка колхоза «Уус Элу», Раплаского района, Хелью Арро.

Новинка эстонской промышленности — импульсная фотографическая лампа «ФИЛ» — выпускается на заводе «Норма». Бригадир Свен Анупыльд и конструктор Юхан Ватсер просматривают лампы.

ОСТРОВ восставших

А. СТАРКОВ

Первый выстрел

16 февраля 1919 года на острове Сааремаа, самом большом в Моонзундском архипелаге, вспыхнуло народное восстание. Оно началось, собственно, на соседнем маленьком островке Муху, соединенном с Сааремаа трехкилометровой песчаной дамбой. Началось с выстрела в Куйвасту. Во дворе этого баронского имения ранним утром собрались крестьянские парни, которым накануне вручили призывные повестки. Им приказано было явиться с буханкой хлеба и сменой белья. Их хотели отправить на материк, чтобы они дрались там против Красной Армии. И они в назначенный срок пришли с хуторов к месту сбора. Только не принесли с собой ни хлеба, ни белья. Те из них, что служили в армии и недавно возвратились с фронтов, прихватили из дому винтовки, карабины. Да и кто не служил, пришел с охотничьим ружьем... Но военного коменданта, поручика Ефимова, это обстоятельство не смутило. Он решил, что люди рвутся в бой против Красной Армии, раз пришли с оружием, и, выйдя на крыльцо, начал бодрым голосом выкликать фамилии по списку:

— Карьяне Тимофей!

«Карьяне» — по-эстонски «пастух». Вот из толпы и кричат:

— Пастух стадо пасет!..

Ефимов вскинул удивленно брови, но продолжал читать:

— Ряйм Андрей!

А «ряйм» — это салака. И опять кричат из толпы:

— Салака в море уплыла!..

Теперь Ефимов видит, что над ним издеваются. Кажется, он начинает понимать, для чего эти люди принесли оружие. И уже нервным, срывающимся голосом он выкликает фамилии. Толпа молчит. Никто не откликается. Хотя все, чьи имена выкрикивает поручик, стоят тут же, в толпе. Ближе всех к Ефимову Михаил Ыуе. По-эстонски «ыуе» — двор. А у Михаила ни кола, ни двора, с малых лет батрачил на баронов, и больше всего на барона Буксгевдена, которому принадлежала почти вся земля на Муху. Сейчас Михаил Ыуе стоит в солдатской шинели, в которой он провел два года на фронте и два — в немецком плену. Там, в Германии, работал в порту, сблизился с докерами и, когда те восстали, вместе с ними дрался на баррикадах. Сейчас он стоит почти вплотную к поручику и смотрит на него в упор. Поручик выкликает:

— Ыуе Михаил!

Молчит Михаил.

— Почему молчишь? Это ведь ты! — кричит Ефимов. — Ты разве не желаешь спасать нашу землю?

— А у меня нет земли, — спокойно говорит Ыуе. — Мне пока нечего защищать.

— Ах так! — брызжет слюной поручик, не замечая, как грозно толпа надвигается на него. — А небо защищать желаешь?

И выхватывает пистолет из-за пояса. Выстрел из толпы опережает его...

...Кто выстрелил тогда?

Михаил Алексеевич Ыуе, ныне здравствующий бригадир колхоза «Валялла», рассказал мне:

— Стрелял Андрей Ряйм. Тот, что по фамилии салака, а похож был скорей на кита. Огромный, ростом без малого в сажень, руку пожмет — застонешь. Мы с ним с соседних хуторов, но я его годами не видал. Плавал Андрей на торговых судах, полсвета обошел, редко навещал родной островок.

Воевал он в первую мировую, как и я, на сухопутье. В артиллерии. Домой мы вернулись чуть не в один день: я из плена, он с фронта. И в то февральское утро мы почти рядом стояли, Андрей немного позади. Комендант на меня с пистолетом, а Ряйм его из карабина. Ростом-то Андрей головы на две был выше Ефимова и потому стрелял сверху вниз, подняв карабин над головой.

Тот выстрел был как сигнал. Рванулись мы все вперед, разнесли комендатуру, подожгли баронскую мызу. Искали самого барона, да не сразу нашли. Чуял Буксгевден, что ему несдобровать, что не ждать ему пощады от людей, над которыми столько лет измывался. Спрятался. А вечером наши дозорные, сторожившие берег, увидели санный возок на льду. Скользили те санки в сторону маяка, а за маяком материк. Дозорные вслед. Догнали. Голубчик Буксгевден в санях! И с ним брат его, владелец имения в соседней с нашей волости. Оба друг друга стоят, обоих весь остров ненавидит. И разговор с ними был короток: санки набок, баронов под лед. К этим двум прибавилось еще пять из других волостей. Их по той же дороге к праотцам отправили...

Разогнали мы у себя на Муху жандармерию. Захватили пристань, телефонную станцию и двинулись через дамбу на главный наш остров. К этому времени уже весь Сааремаа поднялся! Все двенадцать волостей. Только Курессааре, островная столица, оставалась в руках у белогвардейцев. Там был сильный гарнизон. Но мы бы заставили его сдаться, если б не карательные полки, подоспевшие с материка. Против них мы не смогли устоять, хотя и перебили немало этой дряни. На шестой день восстание было подавлено, и началась расправа. Видели вы в городе на центральной площади мемориальную доску? Двести наших товарищей приняли там смерть...

...Михаил Алексеевич рассказал мне, как он скрывался больше года в лесах, как удалось ему с двумя друзьями переправиться на лодчонке через пролив и бежать в Советскую Россию. Там еще не кончилась гражданская война, и батрак с Муху стал красным кавалеристом, гонялся по степи за махновцами, штурмовал Сиваш, Врангеля бил, сбрасывал его в море. Жил он потом в разных городах страны: на Кавказе, в Ленинградской области, на Урале. Работал мастером-обжигальщиком на кирпичных заводах. Полюбил русскую женщину, которая родила ему двух сыновей. И все эти годы — двадцать семь лет! — неотступно стояли у него перед глазами большой лесистый Сааремаа и маленький, покрытый валунами Муху. Виделось море, которое всегда шумит, всегда в хлопотах.

— Вернулся, и знаете, кого первым встретил, высадившись на берег? Только подошел наш паром к причалу, вижу, ходит по пристани огромного роста моряк в капитанской фуражке. Вгляделся: да это ж Ряйм! Бегу по трапу, кидаюсь ему навстречу. Не сразу он меня узнал. А узнав, так прижал к себе, что все косточки во мне застонали. Теперь уже не было сомнения, что это Андрей. У кого же еще этакая силища?!

Узнал я, как провел он эти годы. На острове никто его не выдал. А ведь многим было известно, кто первым стрелял в Куйвасту, кто, можно сказать, подал сигнал к восстанию. Не нашлось предателя.

Возвратился Андрей в торговый флот. Плавал кочегаром, механиком. Не раз бывал в Советском Союзе, в Ленинграде, в Архангельске, а год ходил под советским флагом — с лета сорокового по войну. Война застала его в Гамбурге. Немцы судно забрали, а экипаж отправили домой, в Эстонию. Нанялся Андрей слесарем в портовые ремонтные мастерские. А под конец оккупации фашисты, удирая из Таллина, уводили с собой суда. Своих матросов у них не хватало, и они сгоняли на пароходы эстонских моряков. Так и Андрей угодил на пассажирский транспорт «Сатурн».

Ночью вышли в море. Все каюты были забиты пьяным немецким офицерьем. Шум, крик, разгульные песни... Вот под этот разгул Андрей и решил бежать с парохода. Сговорился еще с двумя смельчаками. Спустились по канату с кормы. А там болтался на буксире моторный катер. Немцы тоже прихватили его с собой. Вот в этот катерок и спрыгнули наши ребята. Перерубили буксир, выждали, пока «Сатурн» отойдет подальше, — и на Муху! Прятались с неделю на болотах и, как только подоспели советские десантники, вышли их встречать.

Назначили Ряйма капитаном порта. Он, между прочим, и сейчас в той должности. Вы как собираетесь возвращаться на материк? Морем? Ну, так увидите Андрея Тимофеевича. Он почти всегда на причале. И днем и ночью. Кланяйтесь ему. Мы хоть и живем с ним на одном острове, а видимся раз в год. Все дела! У меня свои, у него свои. Видимся же, когда я со старухой на материк еду, в Ленинград. Там у нас старший сын, токарь. По пути заезжаем в Кохтла-Ярве. Там младший наш, слесарь. Вот когда на пароход садимся, только и поговоришь с Андреем. А нынче не

Михаил Ыуе.
Фото автора.

Андрей Ряйм.

удалось. Пригнали как раз новый паром с верфи. Ряйм принимал его. Носился по причалу, что твой салажонок. Я ему с борта рукой помахал. А он крикнул: «Эдгара там погляди!» И был таков. Эдгар — сын его, тоже в Кохтла-Ярве живет. Горный инженер...

Элламы с хутора Алла

...И от Михаила Ыуе и от многих других островитян, вспоминавших Сааремааское восстание, слышал я не раз про семью Элламов с хутора Алла.

Пятеро из этой семьи — три брата и две сестры — отдали жизнь за революцию.

Бунтарская кровь была в них от отца, бедного, но гордого хуторянина, который никогда не ломал шапки перед «сильными мира сего». Он не прочь был пропустить стопочку и немножко навеселе шел, бывало, по деревне, напевая песенки собственного сочинения. Доставалось в них и барону, и попу, и уряднику. Про барона он спел однажды песенку, которая в прозаическом изложении звучала примерно так:

«Скажи, господин, как ты себя будешь чувствовать, если я, Василий Эллам, посажу тебя в свой погреб? У тебя потекут слюнки, когда мы наверху будем пить вино и петь наши песни. А такой день настанет, запомни это, господин!»

Сочинитель угодил в холодную, но, выйдя оттуда избитый, спел через неделю новую песенку, на этот раз про жандармов:

«Мы знаем, жандармы, почему у вас красные шнуры на мундирах... Они окрашены народной кровью...»

А когда немецкие солдаты, стоявшие в деревне — это было в первую мировую войну,— угнали у старого Эллама борова, родились такие слова:

«Германия, Германия превыше всего! Кажется, так вы поете? Но разве высока Германия, которая крадет свиней у бедняков?»

Эта лихая песенка была спета под самыми окнами немецкой комендатуры. Услышав ее, комендант вышел на крыльцо. Он был огорошен дерзостью певца и только спросил его:

— Где ты взял эту глупую песню?

— На дороге нашел, господин комендант...

Вот откуда был бунтарский дух в Элламах-младших.

Запомни, читатель, их имена:

Мари.

Александр.

Иоханн.

Антон.

Ксения.

У Мари было не по-девичьи грубоватое лицо: скуластое, с большим широким носом. Но это ее не огорчало. «Нас перепутали с братом, — шутила она. — Это он должен был родиться девчонкой». У Александра и в самом деле был облик красной девицы: лицо округлое, румяное, синеокое. Накинь платок — красавица на выданье.

В дни деревенских праздников брат и сестра переодевались смеха ради: она — парнем, он — девушкой — и выходили на гулянье. Парочка получалась всем на зависть. Лениво поводя плечиком, шла по кругу томная, кокетливая «подружка», а перед ней лихо отплясывал, колесом ходил ловкий, удалой «ухажер».

Но сердце у Мари было неподдельно девичье, нежное, отзывчивое. Ей всегда хотелось сделать людям что-то хорошее. Добрые дела Мари до сих пор помнят в округе. Помнят историю с елкой. В зиму 1914 года много мужчин ушло с хуторов на войну. Мари подговорила подруг помогать семьям фронтовиков. Девушки шили солдатским ребятишкам теплое белье, вязали варежки, пекли гостинцы. А на рождество решено было подарить каждой такой семье по елке с игрушками. Срубили маленькие мохнатые елочки, украсили и разнесли по домам. Только в один не могли попасть: хозяйка ушла куда-то с детьми и запропастилась. Ждали, ждали — не дождались. И тогда Мари ловко, по-мужски, высадила оконную раму, залезла в дом, поставила на стол елочку, вылезла и укрепила раму на старом месте.

Тут как раз возвращается хозяйка с сыном и дочкой. Не заметила притаившихся за углом девчат, отворила дверь.

Мари прильнула к окну: что-то будет? Видит, как хозяйка вошла в комнату, зажгла лампу и руками всплеснула. Ребята застыли на пороге. Елка! Настоящая елка на столе. Откуда она взялась в запертом на все затворы доме? Ангелы, наверно, принесли. Ну, конечно, ангелы! Вон те — в дубленых полушубках и толстых пуховых платках. Стоят во дворе и хохочут. Главного ангела зовут Мари.

Во время восстания на острове Мари была связной, разведчицей. Пять дней и пять ночей длилось восстание. И почти все эти сто двадцать часов Мари, не смыкая глаз, провела на ногах. Вернее, на коне, который носил ее от хутора к хутору, от отряда к отряду. Она доставляла донесения в повстанческий штаб, а оттуда увозила приказы. Она первой увидела высадку карателей на Муху. Надо сообщить об этом в штаб! И Мари вскочила уж было на коня, но передумала. Решила, что так ее скорее заподозрят. Запрягла своего каурого в розвальни, положила для виду мешок со жмыхами и деревенской простушкой, ничего не ведающей и не понимающей, тронулась в путь. Добралась до дамбы. А там каратели успели уже выставить заслон.

— Откуда едешь?

— Из гостей...

— Куда?

— Домой. В деревню Левала.

А ей нужно было дальше. Но, кажется, поверили. Отпустили. Только отъехала, кричат:

— Остановись! Подвези-ка наших в Левалу.

И посадили в розвальни поручика с тремя солдатами. Мари покрикивает на каурого, подгоняет его, а сама прислушивается к разговору седоков. Из обрывков фраз можно понять, что и в Левалу уже прибыли каратели. Вот и Левала. Ого, сколько тут беляков! Нужно спешить в штаб, но как бы не выдать себя! Нужно быть осторожной. И Мари, высадив седоков, получив разрешение ехать домой, неторопливо подходит к каурому, задает ему корму, а потом медленно выезжает за ворота. Только бы завернуть вон за те дома! Там можно будет стегнуть коня. Но тут попадается навстречу паршивая бабенка, кулачка, хорошо знающая Мари. Увидев ее, кричит:

— Держите красную! Держите красную!

Бежит поручик, бегут солдаты, хватают каурого под уздцы...

Мари Эллам.

Александр Эллам.

Иоханн Эллам.

...Александр, Иоханн, Антон были братьями не только по родству, но и по духу, по партийной принадлежности.

Первым связал свою судьбу с партией Александр. Сейчас трудно определить, когда именно и при каких обстоятельствах это произошло. Во всяком случае, со срочной службы в армии он вернулся большевиком, человеком, близким к Виктору Кингисеппу, вождю эстонских коммунистов, тоже уроженцу Сааремаа. Большевиком пришел из армии и Иоханн, Юкс, как звали его дома.

Оба они, и Александр и Юкс, были людьми жизнерадостными и жизнестойкими. Они умели издеваться над врагом даже в момент его торжества над ними. Так было, когда их арестовали. Это случилось в воскресный день. Деревенская улица была полна праздного, ярко разодетого люда. Жандармы прикладами подгоняли арестованных, стараясь быстрее провести их, чтобы не портить настроения гуляющим. Братья же не торопились. Им некуда было спешить. Урядник шипел на них, а они по-прежнему шли себе вразвалочку, как на прогулке. Потом Юкс вынул из бокового карманчика губную гармошку и заиграл бравурный марш в несколько замедленном темпе. Такую же гармошку вынул Александр. Марш зазвучал громче, и ноги конвоиров сами собой начали подыматься и опускаться в ритм с музыкой. Это было очень смешно, и люди останавливались, чтобы поглядеть на забавное зрелище. Теперь урядник уже не шипел, а орал. И не только на арестантов — на конвоиров тоже. Но что могли поделать солдаты со своими ногами, которые подчинялись музыке!

Антон был несколько иного склада: менее шумный, более замкнутый. Самым любимым его собеседником была книга. Если взгляды старших братьев диктовались самой жизнью, вырастали из наблюдений, из опыта, то младшего вело главным образом печатное слово. Он был начитанней, образованней Александра с Юксом. Они обожали его, любовно называли «наш мудрейший»... И чуточку побаивались, что трудный путь, на который он становился вслед за ними, окажется ему не под силу.

Как и братья, Антон служил в армии. Он был там писарем в военной школе. Отслужив, остался в Таллине, работал, кажется, продавцом в каком-то магазине. А 1 декабря 1924 года его видели во главе вооруженного отряда рабочих, штурмовавшего здание военного училища, того самого, где Антон служил недавно писарем... В этот день восстал таллинский пролетариат. Были захвачены вокзал, аэродром, почтамт, многие казармы. Восстание захлебнулось, закончилось поражением, его подавили войска, стянутые со всей Эстонии. В буржуазных газетах был опубликован список большевиков — руководителей мятежа, присужденных к смертной казни и расстрелянных. В этом спис-

ке значился и Антон Эллам, тихий, застенчивый юноша, книголюб и мечтатель.

Иоханн в тюрьме узнал о гибели брата. Александра в тюрьме не было, хотя арестовали их вместе. В тот же воскресный день, когда братья шли под конвоем, играя на губных гармониках, он по пути в Курессаарскую тюрьму сбежал. Полиция перекрыла все дороги, расставила посты по всему берегу, чтобы помешать беглецу перебраться на материк. А он и не собирался переправляться. У него были дела и здесь. Где только его не искали! Не обнаружив, сообщили в Таллин: «Видимо, все-таки ускользнул на материк». Из Таллина—нагоняй: «Он у вас где-то под носом. На острове. Поищите-ка получше».

Да, он был на острове. И не просто был, не просто скрывался, а работал, руководил подпольной партийной организацией. Десятки людей были связаны с ним. Одни, рискуя жизнью, предоставляли ему приют. Другим он передавал листовки, полученные из Таллина. И, значит, были третьи, привозившие эти листовки. Большинство его помощников не знало друг друга, но все являлись членами одной, широко разветвленной организации, все нити которой сходились к Александру Элламу. У этой организации был даже свой печатный орган, была своя газета.

Антон Эллам.

Ксения Эллам.

О том, как родилась эта газета, рассказывал мне Василий Александрович Риис, персональный пенсионер, живущий ныне в Пярну, курортном городке:

— Мой отец был коммунист. К шестнадцати годам под влиянием отца, жизни и книг сформировалось и мое мировоззрение. Я учился тогда в Курессааре, в сельскохозяйственной школе. Подобралось еще несколько юношей, которые стали моими единомышленниками. Мы собирались, читали нелегальную литературу. И это была, по существу, первая комсомольская группа на Сааремаа. У меня сохранился билет члена эстонского комсомола с указанием стажа: 1926... Как-то, приехав на каникулы к отцу, я нашел у него на столе свежий номер таллинской подпольной газеты «Коммунист». «Откуда это у тебя?» — спросил я. «Сейчас узнаешь». И повел меня в ригу, примыкавшую к нашему дому. Там на кипе сушившегося сена сидел Александр Эллам.

Я знал, что он где-то на острове, что отец видится с ним, но не думал, что и я встречусь. Ведь он находился в глубокой конспирации, и круг связанных с ним людей был в то время еще совсем невелик... «Здравствуй, Василий,— сказал он. — У меня есть задание для тебя. Нужно написать в газету «Коммунист» заметку о жизни и настроениях молодежи на нашем острове».

Я написал такую заметку и передал ее через несколько дней Элламу. На этот раз мы свиделись в лесу, в условленном месте. Эллам подъехал на велосипеде, взял у меня конверт с заметкой, вручил пачку листовок и укатил, скрывшись в гуще леса.

С этой поры мы начали встречаться регулярно, раза два в месяц, и каждый раз я получал от него литературу. Как она к нему попадала, я пока не знал. Но пришел час, и Александр отправил меня в Таллин за листовками и газетами. Эта поездка связана с маленьким приключением. Уже на обратном пути моей спутницей по каюте оказалась проповедница из какой-то религиозной секты. Она ходила по палубам, по каютам и раздавала пассажирам молитвенники. Их у нее был огромный чемоданище. Меня эта старушка не только снабдила книжицей, но еще и устно пыталась обратить в свою веру. Я разозлился и, улучив момент, когда она вышла из каюты, раскрыл чемодан и в десятка два молитвенников вложил между страниц наши листовки. Кому они достались, уж не знаю. Александр пожурил меня немного за то, что я лишил остров некоторого количества листовок. А затем задумался и сказал: «Пора бы нам и самим приступить к издательской деятельности... Начнем с газеты!»

Придумать название для газеты — «Сааремааский трудящийся», — написать передовую, составить обзор международных событий под заголовком «Империалисты жаждут крови», раздобыть местную информацию — все это было делом несложным. Но как напечатать? Где достать шрифт, краску?

На наше счастье, в Курессаарском магазине появилась игра для ребят: «Детская типография». Литеры, валик, бутылочка с краской. Вот этой «типографией» мы и воспользовались. Морока с ней была ужасная! Представляете: литер хватало только на пять строк набора. А нам нужно было четыреста. И отпечатать двести экземпляров! Вот и набирали пять строк, тискали двести раз, снова пять строк, и снова двести раз. Так до тех пор, пока не родилась газета. Устали мы, перемазались, но счастливы были безмерно. Пусть печать тусклована, пусть утеряна буква «П» и ее заменяет «Т», пусть крошечный листок, не больше носового платка, но все же это газета, настоящая большевистская газета!.. Потом мы получили из Таллина шапирограф и пишущую машинку. Пошло дело! Второй номер был в два раза больше первого. Мы посвятили его десятой годовщине Сааремааского восстания. Помню, как заканчивалась передовая статья: «Знайте же, палачи: кровь лучших наших сыновей и дочерей, павших в освободительной борьбе, взывает к мести».

...Десять лет провел в подполье на острове Александр Эллам. Он был среди людей. И никто его не выдал. Только нелепый случай погубил подпольщика. У кого-то из богатых хуторян украли бочонок масла, приготовленный к продаже. Полицейский Туру обходил деревню в поисках пропажи. Зашел в один дом, оглядел комнаты, заглянул в сарай. Хотел уже уходить, но передумал, полез на чердак. А там все сеном забито. Ткнул для порядка палкой — стенка поддалась. Разметал сено. А за сеном дверь. Видна светлая, чистая комнатенка. За столом человек бреется, одна щека намылена. Туру сразу узнал его, кинулся. Александр успел выхватить пистолет, выстрелить. Туру, хитрейшая подлюга, упал плашмя на спину. А пуля его и не затронула. Когда Александр нагнулся над полицейским, тот выпустил в него всю обойму...

Иоханн, мытарясь по тюрьмам, отсидев в общей сложности одиннадцать лет, дожил до Советской власти. Островитяне выбрали его своим председателем уездного исполнительного комитета. А потом депутатом Верховного Совета СССР. Он ездил в Москву. В войну оставался на острове, партизанил. Был схвачен фашистами и застрелен.

Подруги

Ксении, младшей из Элламов, было девять лет в дни Сааремааского восстания и четырнадцать, когда восстал пролетариат Таллина.

К четырнадцати годам ладони девчат-островитянок становятся уже на всю жизнь жестки и мозолисты от косьбы, от ухода за скотом, от прочей крестьянской работы. Но пальцы — пальцы никогда не теряют гибкости и быстроты: где еще есть кружевницы и вышивальщицы искусней девушек с Сааремаа? И кто из девушек острова мог соперничать в этом ремесле с Ксенией Эллам? Разве только Малле Туулинг.

Они подружки с тех лет, как помнят себя. Но и в том возрасте, когда себя не помнят, они тоже были вместе: матери, уходя в поле, забирали их с собой и укладывали рядышком в тени, чтобы солнце не припекало. Может, оттого они и выросли похожими друг на друга, как близнецы, хотя не были даже дальними родственницами.

Малле позадористей Ксении. Однажды попалась Малле газетенка с брачными объявлениями. Вычитала про «пожилого, но хорошо сохранившегося мужчину», которому нужна «нежная, любящая жена». Адрес такой-то. Смеха ради послала предложение по этому адресу. Не написала, конечно, что батрачка. Написала: «дочь богатых хозяев». Ответ пришел без задержки. Не письмо — бандероль. Какой-то журнал и записка: «Жаль, что вы богаты. Нам бы хотелось иметь своей читательницей девушку из бедной семьи. Но, может быть, вас все-таки заинтересует наш журнал».

Перелистала. Ого, да тут про революцию, про права угнетенных! Побежала к Ксении. А та уже видела такой журнал. У кого? У брата Александра. Вот что это было за «объявление»! Один из приемов нелегальной работы.

Журнал стал приходить регулярно. Девушки читали его сначала вдвоем, потом вчетвером, потом прибавились еще две. Теперь это было что-то вроде кружка. Так они сделали первый шаг. Когда начала выходить на острове подпольная большевистская газета, они стали «почтальонами».

Они загадывали: кто будет первой играть свадьбу? Но свадьбы не состоялись. Ксения не вышла замуж. А Малле вышла, но без свадьбы. Машинист мельницы Иоханн Коель был сын богатого хуторянина. Отец, узнав, что его сын хочет взять в жены батрачку, выгнал парня из дому. У них не было своего дома, своего угла. Скитались по чужим. У Малле родился сын. Нянчили его вдвоем — Малле и Ксения. Подошел сороковой год. У Малле с мужем появился свой «угол» — дом. Иоханна сделали главным механиком мельницы. Его приняли в кандидаты партии. Членом партии он не успел стать: пришли фашисты. Убили.

...Ну как не заехать к Малле Коель, председателю колхоза имени Ленина? Мне уже много говорили о ней. Знаю, что в войну она жила на Урале, работала трактористкой, что, вернувшись на остров, организовала колхоз. Носил он имя Элламов, всех пятерых: Ксения погибла в оккупацию... Знаю, что одно время Малле была инструктором райкома партии по работе среди женщин, как Ксения перед войной. Что снова выбрали ее в председатели, но уже в объединенном колхозе. Что у нее орден Ленина. Что сын ее, Лембит, — техник-топограф... Многое, в общем, знаю о Малле. Но все-таки хочется повидать.

Увидеть удалось. Поговорить — нет. Она уже выходила из правления, когда мы подъехали. Возвратилась, села, не снимая пальто, и очень жалостно глядит на нас. Господи, нет времени! Вызывают на мельницу! Какие-то там жалобы на зерно. Наверно, придираются.

Смотрю на Малле. Слушаю, как она отдает распоряжения бухгалтеру, потом шоферу, потом кладовщику. И не могу отделаться от мысли, что передо мной Ксения Эллам. Ведь они были очень похожи. И, наверно, Ксения тоже могла бы быть неплохим председателем колхоза.

— Бегу, — говорит Малле Константиновна, — извините, бегу! Надо все-таки разобраться, что там, на мельнице...

Вот так за несколько дней, проведенных на острове Сааремаа, прошла передо мной жизнь людей, павших за народное счастье, за власть народную. И рассказывали о них живые, боровшиеся вместе с ними и ныне продолжающие их дело на свободной эстонской земле.

Газосланцевый комбинат в городе Кохтла-Ярве.

ЖИТЬ В НАШЕМ ГОРОДЕ ХОРОШО!

Н. ХРАБРОВА

Фото Я. РЮМКИНА.

В семье шофера Антона Йыги родились близнецы. Как и полагается, у колыбели новорожденных с дарами появились феи. Правда, это были вполне современные феи, в появлении их не было никакого волшебства, если не считать чудом дружбу и заботу многих людей о двух только что появившихся на свет малышах.

К колыбели Хельмута и Хельдура приходили товарищи отца — веселые шоферы с белокурыми женами. Мужчины желали близнецам вырасти сильными и смелыми, как два Калевипоэга. Женщины, расхваливая малышей, пророчили им добрый и нежный, как у матери, характер, умелые, как у отца, руки.

Приходили подруги Эльфриды Йыги, приносили торты, печенья, искусно расшитые распашонки и пухлых резиновых гусей.

Председатель завкома Кохтла-Ярвского газосланцевого комбината, где работает молодой отец, пожелал родителям еще близнецов и вручил ордер на квартиру в новом доме на Нарва мантэ, 71.

Если бы с первого дня своей жизни Хельмут и Хельдур могли рассуждать, они, без сомнения, решили бы, что все в этом городе построено и сделано для них. Так оно и есть на самом деле. Молодой, всего на десять лет старше малышей, город Кохтла-Ярве создан для хорошей, счастливой жизни. Придет время — отец и мать расскажут сыновьям, что совсем недавно тут лежали замшелые валуны и суша перемежалась ржавыми разводьями болот с редкими островками можжевельника. Они покажут сыновьям дома из мрачного серого камня и небольшой заводик, который с трудом разыщешь теперь на территории Газосланцевого

На шахте № 2 Эстонского сланцевого бассейна испытываются новые системы разработки сланцевого пласта и новые врубово-погрузочные механизмы. Машинист Эрих Кютис в забое на погрузочной машине новой конструкции.

комбината. В той, старой жизни шоферам не полагалось комфортабельных квартир с газом и ванной; дети их не слыхали ни о дворцах пионеров, ни о бесплатном обучении, ни о стипендиях в техникумах и университетах.

Теперь для Хельмута и Хельдура в городе Кохтла-Ярве есть детские ясли и сады, есть новый большой Дворец пионеров, что стоит рядом с Домом культуры и светится яркими окнами, есть две средние школы.

Это для них в аллеях и парках города растет сорок тысяч молодых фруктовых деревьев, а к 1970 году, когда мальчики закончат семилетку, по другую сторону улицы, на которой они теперь живут и где сейчас пока что зеленеют поля, вырастет еще полтора города: теперешний Кохтла-Ярве — это только треть того, который будет построен через тринадцать лет.

Может быть, Хельмут и Хельдур, когда вырастут, захотят стать шахтерами, добывать «эстонское золото» — сланец. Когда-то на работу в сланцевые шахты шли «отпетые» люди,— шутка ли, надо долбить кайлом пласты, стоя по колено в воде 10—12 часов! Теперь в шахтах высокие потолки, отличные вентиляция и откачка воды. Машины, добывающие сланец, лампы дневного света, электротранспорт — все это есть на всех шахтах Эстонского сланцевого бассейна. Но есть одна шахта, которая преобразит труд шахтеров будущих поколений. Это шахта № 2. Ее коллектив испытывает новейшие системы разработки сланцевого пласта: камерную и слоевую, новые врубовые и погрузочные машины, разработанные конструкторами Копейского завода имени Кирова. Через несколько лет рука человека уже не коснется сланца. Его будут добывать машины-автоматы.

А может быть, Хельдур и Хельмут захотят стать рабочими завода-гиганта, который снабжает газом жителей Ленинграда, Таллина и Кохтла-Ярве? И, возможно, они попадут в обучение к отличному слесарю печного цеха Харри Матросу и станут такими же мастерами, как их учитель.

Руководительница одной из лучших бригад газовщиков, отличница производства техник Лайне Йыги сказала нам:

— Я выросла вместе со своим заводом и не могу себе представить труда полезнее и интереснее, чем наш труд!

В самые ближайшие годы Лайне убедится, что комбинат станет еще больше и лучше.

Сейчас сланцевая смола просто сжигается в топках паровозов. А на кохтла-ярвской опытной установке Всесоюзного научно-исследовательского института по переработке сланца она уже повторяет судьбу нефти, которая когда-то тоже просто сжигалась в топках паровозов и кораблей. Скоро из нее здесь получат химикаты для обогащения руд и угля, бензин, дизельное топливо, битумы, шпалопропитку, изоляционные материалы.

Если Хельдур и Хельмут захотят стать специалистами по обработке сланца, к их услугам Кохтла-Ярвский сланцеперерабатывающий техникум. Да и не он один: вскоре в Кохтла-Ярве переедет из Таллина Горный техникум, а из Пярну — Торфяной, и будет в городе на сланцах большой комбинат по подготовке специалистов топливно-энергетической промышленности.

Ну, а если природа наградила малышей хорошим голосом и музыкальным слухом? Тогда они будут учиться в музыкальной школе своего родного города. Если им суждено стать поэтами или прозаиками, то на первых порах совершенствовать писательское мастерство им поможет городское литературное объединение при местной газете «Шахтер».

Здесь начинается превращение сланца в газ. Идет загрузка камерных печей.

Ты не мог бы жить...

Йоханнес СЕМПЕР

Если б не было поддержки друга
В дни, когда тебе бывало туго,
В дни, когда над бездною идти
Должен был по трудному пути,—
Ты не мог бы жить!

Если б не было твоей любимой,
Нежности ее незаменимой,
Если бы из кубка твоего
Не пила она с тобой всего,
Что тебе так щедро наливали,—
Доброй радости и злой печали;
Если б в одиночестве текла
Жизнь твоя без света и тепла,—
Ты не мог бы жить!

Если на войне, в огне сраженья,
Ты поверил бы хоть на мгновенье
В то, что победим не мы, а враг
И над миром воцарится мрак;
Если б, с кочки поглядев болотной,
Ты нашел людскую жизнь бесплодной;
Если б не учил тебя народ
Далеко заглядывать вперед,—
Ты не мог бы жить!

Перевел с эстонского
Леон ТООМ.

Ни один талант не остается незамеченным в городе Кохтла-Ярве, как не остался незамеченным талант слесаря городской теплоэлектростанции Карла Соопа, электрослесаря Валентина Пооля, домашней хозяйки Ильмы Куман, слесарей Ивана Козлова и Леонида Лукашевича и еще многих поэтов и писателей — рабочих.

Дом в Онтика, на крутом морском берегу, когда-то принадлежал царскому адмиралу Колонгу — тому самому, который в русско-японскую войну сдал в плен врагу русские корабли. Он был приговорен к смертной казни, а затем помилован царем и безбедно жил здесь, в затишье. Подошло время — и адмиралу пришлось выбраться из дому. Хозяевами его стали рабочие-сланцевики. По заводским путевкам, отработав смену, они приезжают на автобусе в свой профилакторий, где отдыхают, советуются с врачами и, если нужно, лечатся. Профилакторий работает несколько лет, и многие рабочие отдыхают здесь уже по второму, а то и по третьему разу. Летом, в субботние и воскресные дни, из Кохтла-Ярве к морю выходят вереницы заводских машин и городских автобусов. Здесь есть такая традиция: проводить праздничные и выходные дни за городом.

Хороши вечера в Кохтла-Ярве! Золотыми и красными огнями светится завод, по улицам с песнями ходит молодежь. Весело в Доме культуры. Каждый вечер здесь собираются участники самодеятельности. В четырнадцати кружках Дома культуры занимаются четыреста молодых рабочих, служащих, студентов техникума. Выступают артисты из Таллина и Ленинграда, столичные искусствоведы читают лекции по истории музыки; три раза в неделю дает спектакли городской театр.

Каждый новый день прибавляет к облику молодого советского рабочего города новые черты — живые, осязаемые черты социализма. И люди здесь говорят:

— Жить в нашем городе хорошо!

Слесарь Кохтла-Ярвской ТЭЦ Карл Сооп читает свои стихи в редакции газеты «Шахтер».

На берегах Таежной

Из второй книги романа «Соль земли».

Георгий МАРКОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В 1956 году вышла в издательстве «Молодая гвардия» первая книга романа Георгия Маркова «Соль земли». В настоящее время писатель заканчивает работу над второй книгой, в которой рассказывается о сильных, мужественных людях Сибири, осваивающих новые земли, открывающих богатства недр.

1

В первый же день по прибытии экспедиции в Мареевку исполком сельского Совета переехал в новый дом, построенный правлением сельпо под контору, а свой дом, принадлежавший когда-то купцу Тихомирову, уступил экспедиции. Дом был большой, красивый, рубленный в «замок», с двумя широкими крыльцами из лиственничных плах, с резными перилами, под покатой крышей, на фигурных прочных стойках. Дом был удобен тем, что имел два входа: один парадный — в восточную половину, второй со двора — в западную часть дома.

Председатель сельского Совета Севастьянов посоветовал Марине в той части дома, которая имела парадный вход, разместить штаб экспедиции, а вторую часть дома занять под квартиру.

— Вам, Марина Матвеевна, как начальнику экспедиции, нельзя жить далеко от штаба. Народ будет и днем и ночью с делами идти. По себе знаю,— говорил Севастьянов.

Марина так и сделала. Сбылось и предупреждение председателя сельского Совета. Работы было так много, посетителей шло столько, что Марина не успевала даже обедать.

Первую неделю заняли организационные хлопоты. Хотя население Притаежного района встретило экспедицию с большим сочувствием, но все-таки укомплектовать штаты оказалось делом непростым. Колхозы и учреждения неохотно отпускали людей, желавших временно перейти на работу в экспедицию.

Особенное сопротивление оказал Марине директор Веселовского лесхоза. Он решительно отказался отпустить в экспедицию лесообъездчика Чернышева. Понимая, что без нажима сверху ей не удастся подобрать нужных людей, Марина обратилась за помощью к Максиму. Вскоре в экспедиции была получена копия телеграммы облисполкома, в которой предписывалось всем руководителям советских и хозяйственных организаций Притаежного района оказывать экспедиции всяческое содействие и не задерживать лиц, желающих работать в ее отрядах.

Только в середине второй недели (вместо двух — трех дней, как это предусматривалось планом) специализированные отряды экспедиции выехали в полевые условия. В ответ на донесение Марины, что практическая работа экспедиции началась, директор института Водомеров прислал авиапочтой многословное письмо, в котором указывал, что нерасторопность, допущенная начальником экспедиции с разворотом исследований, крайне тревожит руководство института. В письме Водомеров строго предписывал «принять исчерпывающие меры к быстрейшему преодолению организационной неразберихи и безусловно выполнить план исследований, памятуя, что в это вкладываются огромные государственные средства, не менее нужные народу в другом месте».

Марина читала письмо Водомерова с чувством негодования. Будь она меньше занята неотложной работой, она немедленно ответила бы директору института, но времени на ведение переписки никак не хватало. Перечитав через день — другой «директиву» Водомерова, Марина поняла то, что вначале как-то ускользнуло от ее сознания. Письмо Водомерова было подсказано желанием застраховать себя на случай, если работа экспедиции пойдет плохо и вышестоящие органы предъявят институту какие-либо претензии. Руководство института, мол, своевременно сигнализировало и указывало, а начальник экспедиции не обеспечил...

«Ах ты, кулик пугливый!» — думала Марина про Водомерова, и его письмо вызвало уже теперь не злобу, а лукавую усмешку.

2

— Ну, куда же вы исчезли, Алеша? Две недели я разыскиваю вас по всему Улуюлью,— пожимая руку Краюхина, говорила Марина.

Краюхин стоял перед ней смущенный и обрадованный. О том, где он был и что делал, можно было судить по костюму. Старые армейские сапоги от ходьбы по траве и кустарникам порыжели, зеленая выцветшая гимнастерка была вся в пятнах от смолы и какой-то красящей почвы, брючишки со свежими швами на коленях давно потеряли свой первоначальный вид и были неопределенного цвета.

Краюхин похудел. Скулы его круглого лица заострились, волосы отросли чуть не до плеч. От загара он был коричневым, под цвет своих темных глаз. Руки Краюхина заскорузли, огрубели, покрылись коростой от ссадин и царапин. Но взгляд его был отчаянно веселым, и от фигуры, перехваченной в талии офицерским ремнем, веяло ловкостью и здоровьем.

— Все-таки приехали?! Молодец вы, Марина Матвеевна! Пробили стену! — воскликнул Краюхин.

— Моих заслуг в этом нет, Алеша! Сама жизнь подталкивала. Ну, у вас-то как? Садитесь, пожалуйста!

Марина усадила Краюхина на табуретку, а сама опустилась на деревянный жесткий диван, стоявший у стены. Они вдруг замолчали, не зная, с чего начать разговор.

— Вы где были-то, Алеша, в последние дни? Почему никто о вас ничего не знает? — наконец спросила Марина.— Вас ведь не я одна искала. Вас ищет по каким-то партийным делам и Притаежный райком.

— Жил в тайге, Марина Матвеевна, на Таежной, в районе Тунгусского холма. А последние десять дней вместе с одним из старожилов Улуюлья, Мареем Гордеевичем Добролетовым, был в Заболотной тайге. Это к северо-востоку от Тунгусского холма...

— И что же у вас нового? — Марина не в силах была удержать своего нетерпения.

— Подождите, Марина Матвеевна, все расскажу по порядку.

— Слушаю вас, Алеша, очень, очень интересно.— Марина села удобнее, а Краюхин открыл офицерскую сумку, туго набитую бумагами, вытащил тетрадь в клеенчатой обложке и принялся задумчиво ее листать.

Краюхин рассказывал о своем житье-бытье в Улуюлье подробно, день за днем. О многом Марина знала из его писем к ней и к Софье, но только теперь, в личном общении с Краюхиным, она поняла, какую важную для науки работу проделал молодой ученый. В Заболотной тайге Краюхин в самые последние дни тщательно проверил показания охотников об отклонении стрелки компаса и подтвердил это. По всей видимости, здесь могла иметь место магнитная аномалия. Может быть, именно в этом районе были взяты образцы руд для анализа, произведенного когда-то в литейной купца Кузьмина.

Слушая Краюхина, Марина вспомнила свою беседу с Водомеровым перед отъездом из Высокоярска. Она предложила директору института организовать в составе Улуюльской экспедиции геологическую группу под руководством Краюхина. Водомеров ответил отказом. Штаты экспедиции утверждены. Программа работ — также. И нет никакой целесообразности возвращаться к этому вопросу снова, тем более, что в состав экспедиции входит топогеографический отряд.

— Я должен вас предупредить, Марина Матвеевна, что ни я, ни Захар Николаевич не одобрим никакого самоуправства с вашей стороны ни в отношении перестановки штатов, ни в отношении какого-либо изменения плана исследований.

Это были последние слова директора института, которыми он заключил свое напутствие начальнику экспедиции.

И вот теперь, столкнувшись с жизнью, Марина увидела, что она уподобится тупоголовому чиновнику, если в самом начале работы экспедиции не внесет серьезных поправок в ее планы. В самом деле, как можно было изучать Улуюлье, не учитывая краюхинских материалов и его самого как представителя определенных взглядов на перспективы этого района? Можно было любить или ненавидеть его как человека, принимать его душой или не принимать, но закрыть глаза на вопросы, которые он ставил перед наукой, было невозможно. «Нет, дорогой Илья Петрович,— мысленно обращаясь к Водомерову, размышляла Марина,— придется мне кое в чем поломать установленный вами распорядок и поступить так, как велит жизнь и интересы науки. Чувствую, что это не понравится вам, вызовет гневные слова и грозные приказы, но чему быть, того не миновать».

— Вы знаете, Алеша, почему я усиленно искала вас? Я надеюсь, что вы не откажетесь поработать в экспедиции,— сказала Марина убежденно и твердо.

— Разве у вас найдется мне дело? — спросил Краюхин, и чувство удовлетворения отразилось в его глазах.

— Конечно, найдется!

— Но ведь у вас геологического отряда нет. Куда же вы меня приспособите? — Краюхин замялся, смущенно помолчал, махнув рукой, продолжал: — Впрочем, у меня такое положение, что я пойду к вам простым рабочим.

— За откровенность плачу откровенностью,— усмехнувшись одними уголками губ, сказала Марина.— Дело обстоит так: в экспедиции остались незамещенными несколько должностей рабочих и лаборантов. Но сейчас у меня возник план: сегодня же я пошлю Водомерову телеграмму, в которой предложу включить вас в состав экспедиции консультантом. Тут же я укажу, что своими последними изысканиями вы приблизились к важным открытиям...

Краюхин засмеялся, но лицо его оставалось грустным.

— Неужели вы надеетесь на какой-нибудь положительный ответ? — спросил он.

— Честно сказать, не надеюсь.

— Тогда к чему расходовать государственные деньги на телеграммы?

— Капля камень долбит.

— Если так, действуйте.

3

После этой встречи Марины с Краюхиным произошло несколько неожиданных событий.

Марина вставала с восходом солнца и, перекинув через плечо полотенце, шла купаться на реку. Так начинался ее рабочий день.

Однажды, возвращаясь с реки, она еще издали увидела, что на крыльце штаба экспедиции ее ждет какая-то женщина. «Кто же это? Неужели Ульяна Лисицина с Синего озера вернулась? Может быть, что-нибудь с Настенькой случилось?» — с беспокойством подумала Марина и ускорила шаги. Но вскоре Марина разглядела, что женщина с опущенной на лицо косынкой сидела, опершись на чемодан, поблескивающий на солнце металлическими наугольниками. «Вероятно, кто-то из другого села в сельсовет приехал. Сколько раз просила Севастьянова снять вывеску! Займусь сегодня этим сама!» — решила Марина.

Через несколько шагов Марина увидела, как женщина, подняв руки, потянулась, отодвинула от себя чемодан и опустила на него голову. И Марина сейчас же узнала женщину.

— Соня! Откуда вы появились?! — закричала она и, размахивая полотенцем, побежала с резвостью девочки.

Софья Великанова встала и, щуря близорукие глаза, ослепленная ярким солнцем, с полминуты беспомощно смотрела вдоль улицы. Потом она бросилась навстречу Марине и обняла ее.

Софья Великанова приехала из Притаежного с попутной машиной, проведя ночь в дороге. Марина расспросила ее обо всех новостях, накормила, уложила спать и ушла на работу.

В полдень заведующий отделением связи Тимоша принес принятую по телефону из Притаежного телеграмму. Текст ее Тимоша записал на листке бумаги, вырванном из ученической тетради.

Марина была убеждена, что это пришел ответ Водомерова на ее просьбу о зачислении Краюхина в состав экспедиции, но то, что она прочитала, изумило ее так, как не изумил бы, наверное, гром, прогремевший над Мареевкой в этот безоблачный день.

В телеграмме говорилось: «С целью усиления научной части Улуюльской комплексной экспедиции руководство института направляет в ваше распоряжение младшего научного сотрудника Бенедиктина тчк Обязываем вас использовать товарища Бенедиктина по специальности с учетом потребностей экспедиции вытекающих из программы исследований тчк Водомеров».

Марина скомкала телеграмму и с такой силой запустила ее, что комочек, ударившись в пол, подскочил и выкатился за порог. Тимоша понял, что принес начальнику экспедиции неприятную новость, сконфузился и поспешил уйти.

— Лицемеры! Не мытьем, так катаньем думают меня взять! — С яростью отталкивая стулья и скамейки, Марина выскочила на середину комнаты и остановилась, ощущая, как сильно стучит сердце.

Она вышла на крыльцо с намерением отправиться во вторую половину дома, разбудить Софью и обо всем рассказать ей. Но, взглянув на часы, Марина удержала себя. Софья спала всего сорок минут.

Марина повернула назад. Она села за свой стол, взяла чистый лист бумаги и крупным, размашистым почерком написала: «Высокоярск областной научно-исследовательский институт Водомерову Удивлена вашим решением относительно Бенедиктина тчк Его присутствие экспедиции не оправдывается никакими деловыми соображениями тчк Вторично прошу положительно решить вопрос привлечении экспедицию Краюхина».

Марина перечитала написанное, подумала: «А может быть, отмолчаться? Пусть себе потешаются руководители института». Но сейчас же она переменила свои мысли: «Нет, нет, отмалчиваться нельзя. В этом случае Водомеров решит, что я своим молчанием одобряю его поступок».

Марина переписала телеграмму набело на новый лист бумаги и заторопилась на почту.

...И вот прошло еще пять дней, а ответа насчет Краюхина не поступало.

Марина понимала, в состоянии какого нетерпения живет Краюхин. После их встречи он уехал в Притаежное и там дожидался сигнала от нее.

Начала томиться от безделья и Софья. Все, о чем можно было переговорить с ней, они переговорили. Теперь Софья рвалась на Тунгусский холм, на раскопки. Она рвалась туда, конечно, не только из-за работы, ей хотелось скорее быть вместе с Алексеем.

Прождав еще два дня, Марина решила, что она не имеет никакого морального права ни перед Софьей и Краюхиным, ни перед наукой вообще ждать дальше. «Уж раз они там молчат, то возьму всю ответственность на себя. Пусть потом меня прорабатывают или снимают. Их дело! А только, видя, какими фактами располагает Алексей Краюхин, я не могу остаться к его судьбе равнодушной»,— размышляла Марина, терзаясь от этих мыслей.

Она позвала к себе Софью. Девушка в темном чулане проявляла фотопленку, на которой она запечатлела окрестности Мареевки. Софья прибежала встревоженная, с мокрыми руками, в косынке, небрежно сбившейся на затылок.

— Поступила телеграмма? — Она остановилась возле дверей, с горящими от любопытства глазами, по-видимому, намереваясь прослушать ее и как можно быстрее вернуться к своему делу.

— Нет, Соня, телеграммы нет, и, вероятно, ее не будет. Я решила все сама.

Марина вышла из-за стола. Софья, видя, что разговор ожидается совсем другой, чем она предполагала, перешагнула порог и вошла в комнату.

— Что ж вы решили, Марина Матвеевна?

— На два вакантных места лаборантов моего ботанического отряда я зачисляю одного Алексея Корнеевича, то есть я объединяю две ставки в одну.

— А можно так делать?

— А можно закрывать глаза на серьезные доказательства ученого?

Софья молча и беспомощно вздернула высокими плечами и вопросительно посмотрела на Марину. «Ну и что же вы все-таки решили?» — говорил ее взгляд.

— Я сейчас написала приказ о назначении Краюхина старшим геологической группы. Вас, Соня, поскольку вы приехали помогать нам, я зачисляю также в эту группу. Ваша задача — выехать на Тунгусский холм, произвести геологическое и археологическое обследование этого района...

— Я готова ехать хоть сейчас, Марина Матвеевна! — воскликнула Софья, не сдержав своей радости.

— Одна вы поехать не сможете. Нужно вызвать из Притаежного Алексея Корнеевича. Я сейчас напишу ему телефонограмму и отнесу Тимоше.— Марина быстро прошла за стол и принялась писать.

— Телефонограмму я унесу, Марина Матвеевна, а вы работайте,— сказала Софья и поспешно скрылась за дверью.

Она вернулась через две—три минуты совсем в другом виде. На ней было ярко-красное шелковое платье, лаковые босоножки и широкополая шляпа из золотистой соломки. Пробегая своими близорукими глазами телефонограмму Краюхину, в которой Марина предлагала ему срочно прибыть в Мареевку в связи с зачислением в состав комплексной экспедиции, Софья так и светилась вся. Марина проводила ее взглядом, усмехнулась, подумала: «Пошла Соня на почту, как на праздник. Чего только не делает любовь!»

4

Группа Краюхина, в которую, кроме него и Софьи, входило еще четверо рабочих, двинулась к Тунгусскому холму на лодке. Этот способ передвижения предложил Алексей, так как набралось еще пудов тридцать всякого имущества, главным образом инструментов. Услышав, что речь идет о Краюхине, правление Мареевского колхоза в порядке встречной помощи экспедиции выделило Краюхину новую, только что просмоленную лодку с высокими тесовыми бортами и крышей из легких, сшитых еловыми сучьями листов бересты.

Марина стояла на берегу до тех пор, пока лодка не скрылась из глаз за крутым поворотом берега. Поднимаясь на высокий мареевский яр и все еще посматривая вниз по течению реки, Марина думала: «Уехали! И, может быть, привезут большое будущее и Улуюлью и себе...»

Она представила искрящиеся радостью бархатистые глаза Софьи, румянец, проступавший в эти минуты на ее всегда смугло-бледном лице, ее голос, какой-то особенно мягкий, ласкающий слух, и Марине не то что стало завидно, а чуть-чуть горько за себя, за свою жизнь, в которой, что бы там ни говорилось, мало было вот такого же безотчетного счастья.

«Только разве в ту весну, когда Андрюша Зотов сказал, что любит меня, было мне хорошо-хорошо»,— подумала Марина. Она вспомнила, как они просиживали в Университетской роще от зари до зари, а потом в течение дня по нескольку раз гоняли соседских девчонок с любовными записками.

Марина шла по Мареевке, захваченная воспоминаниями, и легкая улыбка освещала ее лицо.

Разгоралось утро знойного дня, какие бывают только в Сибири. Нежно-голубое, без единого пятнышка и до бесконечности обширное и ласковое небо стояло над землей в какой-то торжественной неподвижности. Солнце только поднималось из кедровников. Каждый, кто видел его в этот час, не мог не подумать, что ночку солнышко перекоротало здесь, в тиши вековых деревьев, как коротает ее лесной человек-охотник, когда прихватит его в тайге темнота.

Живой мир встречал этот новый светлый день стоголосым трезвоном и суетой. Звонко кричали петухи, рассыпали трели шумные стайки скворцов, собаки щурили глаза на малиновый шар, поднимавшийся чуть ли не с хозяйских огородов, и яростно брехали на него, подзадоривая друг друга. А во дворах гремели уже подойниками, и коровы, мыча, с охотой отдавали разбухшие за ночь соски в ловкие руки хозяек.

Марина поднялась на крыльцо и остановилась. Из чуть приоткрытых дверей на нее пахнуло табаком, и не просто табаком, а тем неповторимым запахом, который издают папиросы, смоченные одеколоном. Такие папиросы всегда курил Бенедиктин.

Озадаченная этим запахом и в особенности тем, что дверь ее квартиры открыта, Марина вошла, все еще надеясь увидеть уборщицу, у которой имелся второй ключ от дверного замка.

В прихожей было пусто. Марина поспешила в комнату. Она перешагнула низкий, крашенный под цвет пола порог и тотчас же отпрянула назад. На стуле, рядом с ее кроватью, привалившись головой на подушку, поднятую на спинку, спал Бенедиктин. Марина хотела уйти незамеченной, но Бенедиктин очнулся, кинулся вслед за ней:

— Мариночка!..

Марина остановилась, обернулась, чувствуя полную растерянность.

— Здравствуйте! Как вы здесь оказались? — сказала она.

Как ни находчив был Бенедиктин, но и он растерялся.

— Я? Я захожу, женщина прибирает в комнате. Я отрекомендовался, и она разрешила мне остаться.

— Что значит «я отрекомендовался»?

— Я сказал, что я... твой муж.

Марина мучительно поморщилась, словно ей стало сразу и больно и противно.

— Зачем вы приехали?

— Я выполняю приказ директора... Кроме того, я рассчитывал, что ты одумалась...

Сверкнув глазами, Марина приблизилась к Бенедиктину и твердо сказала:

— Я еще раз прошу вас ни теперь, ни в будущем не поминать об этом. Мне незачем одумываться. Я сделала то, что хотела...

— А как же мне к тебе обращаться: товарищ начальник экспедиции? — Бенедиктин попробовал засмеяться, но у него не получилось. Направляясь в Мареевку, он думал о другом. «Марина уже, наверное, локти кусает. Ну, ничего, пусть себе помучается. Я еще посмотрю, как быть дальше». Прием, который он встретил у Марины, был иным, и это начинало его злить.

— Как обращаться? Так же, как обращаются все. У меня есть не только должность, но имя и отчество.— Марина прошлась по комнате и, видя, что Бенедиктин снова опустился на стул, продолжала:

— Я прошу вас, Григорий Владимирович, пройти в соседнюю половину, где помещается контора, и дождаться меня. Я скоро приду, и тогда решим вопрос о вашей работе.

Ну, этого Бенедиктин не ждал! Никогда он не думал, что у Марины найдется столько твердости! Ему всегда казалось, что при его настойчивости он может из нее, что называется, «вить веревки». И вот на тебе! Тактично, но решительно она выставляет его из своей комнаты! Бенедиктин даже в лице переменился. Он схватил свой чемодан, тюк с постелью, портфель и, скрипнув зубами, вышел вон.

Марина посмотрела ему вслед, и ни жалость, ни сочувствие — ровным счетом ничто не шевельнулось в ее душе. Так надо было сделать, и так она сделала.

Через полчаса Марина вошла в штаб экспедиции. Бенедиктин, нахохлившись, сидел возле своих вещей в углу.

— Чем вы намерены заняться? — спросила Марина, открывая ключиком стол, в котором лежали деловые бумаги.

— Я прибыл в распоряжение начальника экспедиции. Как ты решишь. Как вы решите,— поспешил поправиться Бенедиктин.

— Хорошо. Я направлю вас в ботанический отряд, который работает по правобережью Таежной, в районе Заболотной тайги. Там найдется вам работа по специальности. У нас крайне слабые представления о растительности того района...

— А Софья Захаровна там же? — не дав Марине договорить до конца, спросил Бенедиктин.

— Нет, она выехала в том же направлении, но в другое место.

— В таком случае есть просьба — не от меня, конечно, а от профессора Захара Николаевича... Он очень беспокоится за дочь и просил меня быть, по крайней мере, поблизости от нее...

— Софья Захаровна в полной безопасности... А вас послать туда я не могу. Нет дела.

— Но когда такой человек просит, то ваша обязанность выполнить...

— Я прежде всего отвечаю за работу.

— Просит научный руководитель института...

— Просьба непосильная.

— Просьба начальника равнозначна приказу.

— Тогда я предпочту ослушаться начальника.

— Вы знаете что, Марина Матвеевна, вы слишком много о себе думаете.

— Я считаю наш разговор бесполезным.

— Но я намерен...

Трудно сказать, сколько еще времени Бенедиктин надоедал бы Марине, если бы в комнату не вошла пожилая женщина — посыльная из правления колхоза.

— Меня послал председатель Терентий Петрович,— заговорила женщина, едва переступив порог. Грудь ее высоко вздымалась, и она дышала шумно, как запаленная лошадь.— Велел спросить вас, не надо ли что отправлять на Таежную. От колхоза туда подводы сейчас идут со снастями для рыбаков.

— Ну вот, Григорий Владимирович, и оказия. Отправляйтесь с этими подводами. Другого такого случая не будет, и придется тащиться по тайге пешком.

Не дожидаясь, как к этому отнесется Бенедиктин, Марина повернулась к женщине.

— Передайте, пожалуйста, Терентию Петровичу, что я прошу возчика подъехать к нашему дому. Мне нужно отправить вот этого товарища.

— Передам. Беспременно передам,— закивала головой женщина и заторопилась из комнаты. Взглянув на нее в окно, Марина увидела, что женщина трусит по улице.

Бенедиктин был ошеломлен всем происходившим и долго смотрел на Марину молча.

— Так скоро... А я хотел поговорить с тобой, Мариночка... Поговорить по душам,— наконец тихо сказал Бенедиктин. Он подошел к столу, за которым сидела Марина, постоял, дожидаясь ее ответа, но, не дождавшись, отступил назад.

Марина, чуть приподняв глаза, взглянула на него. Бенедиктин стоял в раздумье, не зная, чем еще можно обратить на себя внимание. Он был одет, как городской охотник-любитель: сапоги с длинными голенищами, брюки с шевровыми леями, спортивная курточка с бесконечными молниями и вдоль и поперек. Через плечо на узком коричневом ремешке висел в новом кожаном футляре фотографический аппарат.

«Вырядился-то как! Ну, подожди, комары собьют с тебя лоск»,— с внутренней усмешкой подумала Марина и нарочно низко склонилась над папкой с бумагами.

Бенедиктин тяжело зашагал по комнате, вначале очень медленно, потом быстрее. Затем он остановился против Марины, желчно сказал:

— Твое упрямство я объясняю одним: ты ревнуешь меня к Софье, конечно же, ревнуешь!

Марина посмотрела на него серьезным взглядом, покачала головой, с сожалением сказала:

— Надо же так любить себя! Буквально до умопомрачения... Несчастный!

Бенедиктин только этого и ждал. Он вскинул руки, сложил их по-наполеоновски на груди, собираясь что-то сказать длинное и, с его точки зрения, важное. Но в открытое окно послышался скрип телеги.

— За вами едут,— сказала Марина. Бенедиктин с отчаянием махнул рукой.

— Эй, кто там у вас на Таежную? Выходи! — раздался голос возчика, сидевшего на телеге, загруженной неводом.

В. Соколов Костры походные

М. Труфонов   Доменщики

Н. Воронов   Утро в Октябре

Г. Томенко   В полдень

В. Загонек Рябинушка

В. Цвирко   Полдень

Огорчения
ИЛЬИ ГАЛКИНА

В. КРЮКОВ

Рисунки В. Соловьева

— Но-о!..— Илья Филиппович Галкин дернул вожжами.

Бидоны-фляги звякнули, и телега тронулась с места. Через несколько минут скрылась за поворотом колхозная молочная ферма.

Дорога пошла мощеная, прямая, но Илья Филиппович свернул на обочину. Сделал он это не потому, что надо было уступить кому-то дорогу. Во флягах молоко, и когда едешь по мощенке, оно может быстро скиснуть.

Каждый день Илья Филиппович делает два рейса: рано утром он везет молоко вечерней и утренней дойки, а в середине дня отвозит дневной удой прямо от стада.

На езду да на стоянку у завода уходит весь день. Всякий раз, когда Илья Филиппович подъезжает к заводу, там уже стоят подводы с молоком и автомашина № 0859. Илья Филиппович знает, что эта машина принадлежит колхозу имени Калинина, знает возчиков молока из других колхозов, знает, что все они, как и он сам, в это лето перевозили молока вдвое больше, чем в прошлом году. Приходилось Илье Филипповичу вставать и к сепаратору, крутить ручку, подменяя уставших работниц завода. Молока привозили так много, что его не успевали перерабатывать, на заводе порой некуда было даже поставить фляги. В летние дни, когда приток молока особенно велик, фляги стояли под открытым небом или, в лучшем случае, затаскивались в сарай-пристройку, где было жарко, как в бане. Только семнадцать фляг можно поставить в ванны с холодной водой, остальные, ожидая очереди на охлаждение, стояли рядом. А этих остальных было больше ста.

Часто по пути к заводу Илья Филиппович и радовался и негодовал. Радовался, потому что и в его колхозе и во всех соседних удои вдвое выросли. Прежде он по утрам отвозил три фляги, а теперь отвозит шесть. За простой арифметикой — труд доярок, пастухов, заготовщиков кормов, агрономов, зоотехников.

Но когда Илья Филиппович смотрел на эти ожидающие очереди фляги, его охватывало чувство горечи и негодования, хотя он и не выражал громко этих своих чувств, видел, что люди завода с ног сбиваются...

На шоссе Калинин — Старица, в 25 километрах от областного центра, стоит приземистая изба. Окна ее изнутри заставлены фанерой. На крыльце молочные фляги. На углу избы вывеска «Красногорский молочный завод».

Сюда-то и привозит молоко Илья Филиппович Галкин. Здесь, на так называемом низовом заводе, молоко пастеризуют и отправляют в город Калинин, а частично перерабатывают в сметану и сливки и тоже отправляют в город...

Я пришел на завод, когда в маленькой лаборатории скопилось несколько возчиков молока из ближних колхозов и совхозов.

— Опять навезли! — в сердцах сказала лаборантка Валентина Николаевна Андреева.— Уже осень, а молоко почти не убывает! Коровы какие-то ненормальные стали!.. — Лаборантка повернулась к Илье Филипповичу Галкину: — Ставьте фляги на весы...

Я заметил Валентине Николаевне:

— Вы радоваться должны...

— Радоваться! — воскликнула лаборантка.— Плакать приходится, а не радоваться!

И она рассказала, какого «лиха хватили» работники завода нынче летом. Механизации никакой. Все оборудование — печная пастеризационная коробка да ручной сепаратор, на котором один человек может обработать 500 килограммов молока в смену. А молоко идет потоком. В прошлом году привозили по 25 центнеров в день, нынче привозят по 50, а в «пиковые» — и по шестьдесят. Работницы на заводе трудились

с 5 утра до 10 вечера и все равно не успевали переработать все молоко. За ночь оно скисало, а утром привозили новое. Его опять не успевали перерабатывать. На следующий день картина повторялась.

— Утонем в молоке, если нам не помогут! — заключает Валентина Николаевна.

В Калининской области, сильно пострадавшей от войны, основное внимание уделялось постройке животноводческих ферм, а сливные молочные пункты, низовые перерабатывающие заводы размещались в ветхих постройках, сараях, старых жилых домах, а иногда и в банях.

Управляющий Калининским молочным трестом Виктор Васильевич Винокуров, показывая карту размещения молочных заводов, говорил:

— Вы видите, сколько здесь точек? Это наша сеть. У нас триста тридцать пять молочных заводов. Двести семь из них перерабатывают молоко вручную. Кроме того, есть сто двенадцать сепараторных отделений, и только восемь из них моторизированы. По правде сказать, половина всех этих заводов и сепараторных отделений требует замены. А молоко идет и идет. В пятьдесят пятом году поступало сто восемьдесят шесть тысяч тонн, а в пятьдесят седьмом поступит триста тысяч. А что будет в шестидесятом, когда закупки и заготовки молока по нашей области составят семьсот тысяч тонн?.. Вот почему мы тревожим совнархоз. Жить на пределе больше нельзя...

С сорока низовых заводов, по величине таких, как Красногорский, молоко поступает на Калининский городской завод.

Ясным осенним утром из ворот завода выехала полуторка. В кузове фляги с молоком, со сметаной, бочки с творогом, ящики с бутылками сливок. На бочке сидит широкоплечий мужчина — Василий Георгиевич Елисеев. Он «материально ответственный» грузчик и каждый день развозит молочную продукцию по двадцати магазинам города.

— Вы думаете, наверно,— обращается ко мне Василий Георгиевич,— подъедем сейчас к одному — двум магазинам, сгрузим все двенадцать фляг молока, и дело с концом? Как бы не так! Нашу продукцию неохотно берут. Бывает, приходится увозить обратно на завод...

И действительно. Когда автомашина подъехала к одному из магазинов, Василий Георгиевич стал упрашивать заведующего:

— Молочка бы взял, хотя бы фляги две — три!..

— Не надо,— отмахнулся заведующий,— сгружайте скорее наш заказ. Молоко мы получаем из пригородного совхоза парное и то иногда отказываемся. Холодильника нет. Днем не продашь — к вечеру скиснет.

Василий Георгиевич предлагает помощнику сгружать сырки, а сам идет в склад магазина следом за заведующим. Среди ящиков, сложенных высокими штабелями, стоит небольшой холодильный шкаф.

— Ведь вот здесь можно держать молоко! — упрекает Василий Георгиевич, открывая дверцу шкафа. Но шкаф оказался заполненным свежим мясом, рыбой, сливочным маслом.

— Для молока места не остается,— жалуется заведующий.

Сгрузили сырки, и машина отправилась дальше. И к какому бы магазину она ни подъезжала, брали только по две, по три фляги.

— Почему же так получается? — обратился я к заведующему одного из магазинов Михаилу Васильевичу Панферову.

— Холода нет,— ответил Михаил Васильевич.— Я работаю в торговле двадцать пять лет. И никогда не было такого положения, как теперь. Магазины заполнены товарами до отказа. Площадь нашего магазина рассчитана на оборот в три с половиной миллиона рублей в месяц, а мы даем одиннадцать миллионов.

☆ ☆ ☆

Через несколько дней я читал постановление Калининского совнархоза о молочной промышленности области. В нем говорилось о том, что большинство предприятий этой промышленности не имеет искусственного холода и пара, электроэнергии и воды... Затем следовали трехзначные цифры, говорящие о том, что постройка новых молочных заводов не такая сложная проблема, как, например, сооружение заводов металлургических. В ближайшие два года совнархоз решил построить и реконструировать больше ста молочных заводов. Оборудование для них — молочные и паровые трубопроводы, сепараторы и пастеризаторы — будет изготовлено на местных предприятиях. Постановление было подписано председателем совнархоза Иваном Алексеевичем Лукьяновым. Увидев эту знакомую мне фамилию, я вспомнил, как во время первого заседания совнархоза, происходившего в заводском Дворце культуры, на трибуну быстро вышел одетый в белый китель человек и сказал:

— Львиную долю ассигнований по капиталовложениям на ближайшие годы нам надо взять на мясо и молоко. Может, немного ущемим пока другие отрасли промышленности. Потери от несвоевременной переработки молока и мяса слишком дорого обходятся... Вообще нам надо смотреть в завтра. А завтра у нас будет столько молока...

Неплохо, если бы уже сегодня в будущее заглянули и работники торговли Калининской области. К 1960 году сельское хозяйство области будет давать государству 700 тысяч тонн молока в год. Это ведь целые реки! Да, стоит работникам торговли пристальнее взглянуть в будущее!

г. Калинин.

ДВОРЕЦ НА ХОЛМЕ

Я. ФОМЕНКО

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Широкая дорога поднимается на холм, где стоит здание с колоннами.

Сказать, что здание красиво,— значит, ничего не сказать, хотя оно действительно красиво. Требуются иные слова.

Называется здание привычно: «Колхозный Дворец культуры». Но, несмотря на свой младенческий возраст, оно уже не что иное, как памятник народного почина и народного искусства. Хочется сказать, что дворец не построен, а создан, сотворен. Воздвигали его шесть лет, открыли в день сороковой годовщины Октября, а начало его истории, пожалуй, восходит к тем временам, когда в кишлаках близ старого Ходжента, нынешнего Ленинабада, появился первый учитель и когда на древней земле таджиков проросли ростки новой, социалистической культуры.

Учителя звали Каххар Ходжаев. Был он сыном бедняка и учил бедняков.

Грифельная доска, тряпочка, чтобы стирать написанное, однаединственная книга — вот и все, чем богат был тогда Каххар Ходжаев. Если бы не Ашуров, председатель волревкома, пришлось бы Каххару, подобно древнегреческим философам, расположиться со своими учениками под открытым небом. Ашуров был энергичный малый: привел молодого учителя в дом бая Гаибова, открыл дверь в мехмонхону, гостиную, и произнес, будто читая декрет: «Тут будет школа!» Вряд ли сознавали тогда ученики Каххара, что узкая дверь байской мехмонхоны станет парадным входом в новый мир, открывшийся перед ними вместе с начальными буквами алфавита.

Молодой учитель полагал, что самое большое счастье — делать других людей счастливыми. Эту истину он усвоил, когда учился в Самарканде, где получил бумагу, утверждающую его в высоком звании народного просветителя, и откуда его направили в родной кишлак Шайхбурхан с наказом: учи! Каххар решил, невзирая ни на что, вывести земляков на дорогу к счастью. Пусть лютуют баи! Призвание учителя сильнее байской злобы.

В школу записалось семьдесят великовозрастных парней. Каххар подходил к одному, другому ученику, подавал доску и грифель, показывал, как пишутся буквы, и вглядывался в лица. Какие разные глаза! Одни — смелые, другие — робкие, третьи — насмешливые. А вот у того плечистого парня они какие-то прямые и пытливые.

Уже тогда, на первых уроках,

Председатель колхоза Саидходжа Урунходжаев.

← Так выглядит Дворец культуры с самолета.

АРБОБ

перед Каххаром Ходжаевым встал беспокоящий душу каждого настоящего учителя вопрос: кем будут его ученики? Он смотрел на юные лица и вопрошал будущее: что ждет Ишана Мамудова, Мамаджана Аминова? Что совершит на своем веку плечистый парень с прямым взглядом пытливых глаз? Каххар знал, что парня зовут Саидходжа Урунходжаев, что он сын бедняка и учиться грамоте ему труднее, чем работать кетменем...

Об учителе Каххаре Ходжаеве и первой школе в кишлаке Шайхбурхан нельзя не вспомнить, потому что они имеют прямое отношение к прекрасному дворцу, возникшему в наши дни на холме Арбоб. Дворец воздвигли бывшие бедняки-чайрикеры и сыновья бывших бедняков.

Нельзя не вспомнить и те годы, когда вокруг Ленинабада один за одним стали зарождаться колхозы.

...Первый трактор шел по земле колхоза в кишлаке Ок-Арык. Тракторист увидел толпу людей, окруживших высокого, плечистого человека. Люди размахивали руками. Голосов не было слышно: рокот машины заглушал все звуки,— но тракторист понял, что толпа возбужденно кричит, наседает на раиса — председателя колхоза. Тот же спокойно стоял среди беснующихся людей и только покачивал отрицательно головой...

Но что это? Люди в темных халатах ложатся на землю, преграждая путь машине. Тракторист побледнел, увидев поднятые к небу седые бороды. Приведенные муллою старики лежали, как бревна, у самых колес. Они не хотели, чтобы «шайтан-арба» осквернила землю их отцов и лишила ее плодородия. Пусть железные плуги терзают их тела, а не землю!

Ни уговоры, ни просьбы не действовали. Старики лежали, закрыв глаза, и молчали. Трактористу стало страшно, захотелось убежать куда угодно, только бы не видеть седых бород, клинками торчащих над застывшими в тупом и диком упрямстве лицами. А раис стоял на прежнем месте. В его прямых глазах не было страха. Но вот едва заметная усмешка тронула сжатые губы. Ни слова не говоря, раис подходит к лежащему у колес трактора старику, берет его, как младенца, на руки, относит в сторону и бережно — старших надо уважать — опускает на землю. Одного за другим раис переносит стариков. Трактор снова зарокотал, поднимая тяжелый пласт глубокой пахоты. Никто не посмел помешать раису. Саидходжа Урунходжаев слыл среди населения окрестных кишлаков наипервейшим силачом.

Так, преодолевая злобу баев и мучительные сомнения тружеников-дехкан, косность и нищету, перепахивая тяжелые пласты бескультурья и предрассудков, колхозная жизнь пробивалась в то будущее, которое ныне стало настоящим.

Вероятно, многие из первозачинателей этой жизни, теперь уже седоволосые ветераны артельного труда, сидя 7 ноября 1957 года в почетных ложах зрительного зала Дворца культуры и любуясь танцующей на сцене молодежью, думали о своей молодости. Думали они о первых пудах колхозных урожаев, с которых пошло нынешнее богатство, о первых рублях неделимых фондов, превратившихся в миллионы и в это вот здание, такое великолепное, такое чудесное, что раньше, в годы юности, могло видеться им только во сне и в мечтах. Холмомат Якубов думал, вероятно, о том, как он и восемь его земляков впервые назвали себя колхозниками и основали крохотную артель в Ок-Арыке. Норходжа Катаходжаев вспомнил, вероятно, Москву, ее дворцы, которые видел во время поездки на выставку. А Нормамат Ширинов и Рустамбай Бабаджанов задумались, вероятно, о том, как объединялись маленькие колхозы кишлаков Унджи, Ок-Арыка, Кулянгира, Шайхбурхана и Даштака в один могучий колхоз.

Рассказ о том, как рос нынешний колхоз имени Ворошилова, занял бы много времени. Думается, что статистика поможет в немногих строках сказать, чем был и чем стал колхоз. В день основания в нем числилось тринадцать дворов. Тринадцать — несчастливая цифра. Она вызвала немало ехидных намеков и мрачных пророчеств со стороны недоброжелателей. А не так давно Саидходжа Урунходжаев, раис, свое очередное интервью корреспонденту закончил словами: «На каждый день года у нас приходится две свадьбы и пятнадцать рождений».

Таджики говорят: свадьба — радость, рождение мальчика — честь, рождение девочки — счастье. В году триста шестьдесят пять дней. В колхозе теперь три тысячи сто тридцать восемь дворов. Выходит, не так плоха цифра «13», если дала такой прирост, если вопреки предрассудкам счастье, радость и честь так охотно посещают колхозные семьи.

Кто умеет читать цифры, без труда определит уровень благосостояния колхоза, узнав, что в его распоряжении пятьдесят девять тысяч гектаров угодий и пастбищ, что неделимый фонд артели уже в прошлом году составил пятьдесят четыре с половиной миллиона, денежный доход в нынешнем году достигнет сорока миллионов, а к 1960 году возрастет до пятидесяти миллионов рублей.

У главного входа вечером 7 ноября 1957 года.

Кто понимает язык цифр, легко представит картину жизни в колхозе, узнав, что семья Камалбоя Авезова, помимо шести с половиной тонн зерна, заработала в прошлом году свыше сорока тысяч рублей деньгами, не считая доходов от приусадебного участка; что в автоинспекции зарегистрировано шестьдесят «побед» и «москвичей», двести сорок мотоциклов, принадлежащих членам колхоза; что из четырех тысяч трудоспособных членов артели три тысячи человек награждено правительством медалями и орденами; что на капитальное строительство колхоз за один только 1957 год расходует свыше семи миллионов рублей и строит поселок в 1 500 домов с электричеством, водопроводом, а в недалеком будущем — с газом и телефонами.

Вспомним: первая школа в кишлаке Шайхбурхан, где учительствовал Каххар Ходжаев и где постиг грамоту нынешний председатель колхоза имени Ворошилова Саидходжа Урунходжаев, размещалась в байской гостиной. Теперь на территории колхоза двадцать школ, в том числе четыре десятилетних, и учится в них свыше пяти тысяч человек. Теперь в колхозных кишлаках живет пятьсот человек, имеющих высшее и среднее образование. В колхозе свои учителя и врачи, радиотехники и агрономы, электрики и шелководы, художники и ветеринары, строители и телефонистки, механики и садоводы, ирригаторы и счетные работники, инженеры и библиотекари. Их называют «своими» или «местными», потому что они родились, выросли в колхозе и после учения вернулись в родные кишлаки. Закончил институт и возвратился в колхоз хирургом Мамадлатиф Хаджибаев. Так же поступили нынешний директор школы-десятилетки Шариф Джумаев, главный агроном колхоза Али Тураев, преподавательница математики Зубайда Саттарова... Пятьсот колхозных интеллигентов! Пожалуй, гордиться этим можно больше, чем многомиллионными доходами!

Удивительно ли, что в таком колхозе родилась идея клуба-дворца, клуба-музея, клуба — средоточия новой культуры? Рассказывают так. Когда с артелью имени Ворошилова слились ее соседи-колхозы, созвали общее собрание. В помещении старого

клуба уже не хватало места, а люди все шли и шли. И вот кто-то предложил: «Надо строить новый клуб».

Через некоторое время сталинабадскому архитектору Хикмату Юлдашеву предложили: «Поезжайте к Урунходжаеву, помогите. Там задумали что-то интересное».

Вскоре Хикмат Юлдашев слушал раиса. Правление колхоза задумало построить в одном месте, в центре колхозных земель, на холме Арбоб, три здания: контору, клуб и дом отдыха. Урунходжаева больше всего интересовал клуб. Он поставил задачу: зрительный зал должен вмещать две тысячи человек. Юлдашеву показалось это чрезмерным. Такого зала не было во всей Средней Азии: ни в Ташкенте, ни в Сталинабаде. Он убедил раиса, что достаточно тысячи мест, а для всеколхозного форума предложил строить открытую ступенчатую площадь перед фасадом здания, где могло бы поместиться все трудоспособное население колхозных кишлаков.

Закончив разговор с раисом, Юлдашев пошел осматривать место. Задача была не из легких. Надо было «срезать» вершину горы, надо было проложить через сады и арыки магистрали — подъезды к дворцу, — высвободить пространство для водоемов и фонтанов.

Когда он стал набрасывать эскиз, возникла мысль: а не соединить ли все три здания открытыми галереями? Он поделился этой мыслью с Урунходжаевым, тот спросил: «А почему галерея-

Главное фойе. Колхозники начали сходиться на праздничный вечер.

← Зрительный зал был полон.

ми?» И родился архитектурный замысел: одно здание со зрительным залом в центре, помещением правления колхоза в правом крыле и домом отдыха в левом.

Вслед за тем стали возникать сложные проблемы. Какой материал? Руководители колхоза отвечали: «Местный». Где взять строителей? Руководители колхоза отвечали: «В колхозе». Кто будет отделывать здание, украшать его? Отвечали: «Колхозные усто — мастера». Так и порешили: строить из кирпича, самим делать этот кирпич, самим строить, привлекая со стороны специалистов только для обучения колхозников строительному делу и для консультации. Строительство клуба было одновременно и школой. Несколько сот колхозников стали каменщиками, арматурщиками, бетонщиками, водопроводчиками, бригадирами, художниками, штукатурами. Более того, нашлись колхозники, которые овладели мозаичным делом, искусством плавить и шлифовать хрусталь для люстр, класть линолеум, производить искусственный мрамор.

Хикмат Юлдашев, автор проекта, а затем главный архитектор стройки, давно собирал образцы национального орнамента. В колхозе нашлись такие мастера по дереву и орнаментальной росписи, как усто Гафур Мансуров, усто Очил Фаязов, усто Максуд Салиев и другие. Для каждого из них набралось достаточно помощников — учеников из молодых колхозников. Старое искусство резьбы по дереву и ганчу, многими уже полузабытое, снова возродилось, найдя себе применение. Возродилось во всем своем великолепии искусство настенной росписи. Кстати сказать, колхозному усто Максуду Салиеву за оформление дворца недавно присвоено звание заслуженного деятеля искусств республики.

Дворец еще строился, а любоваться им приезжали из многих городов Средней Азии, из Москвы, из Албании, из Китая, из Чехословакии, Венгрии, Кореи. Гости ходили по залам и комнатам дворца, где юноши с кисточками в руках наносили последние краски на потолки; ходили и удивлялись: «Неужели все это создано своими силами, на средства колхоза?» Их знакомили с бригадирами-колхозниками, с художниками-колхозниками, со стариками-усто, и гости не находили слов, чтобы выразить свое восхищение.

Дворец вобрал в себя богатства национальной орнаментальной росписи, лепки и резьбы по дереву и по ганчу. Что ни комната, что ни зал, что ни арка, то свой, неповторимый рисунок, особый колорит и расцветка, свое сочетание линий и форм. То вам кажется, что над вами висит ковер с чудесно вышитыми вазами-цветами, листьями винограда и граната; то над вами расчлененный на квадраты, прямоугольники, восьмигранники и звезды плафон, который можно рассматривать часами. То вдруг в центре плафона вы видите сужающийся кверху купол, создающий такое впечатление, будто потолок возносится к небу. Тысячи сочетаний цвета, оттенков, форм, линий, и никакой вычурности: все строго выдержано, все сделано с таким вкусом, которому можно только позавидовать. А на гранях поперечных балок начертаны скромные имена колхозных усто — мастеров-художников. А на мозаичных плитах фасада рукою колхозных мастеров выписаны изречения из Саади, Рудаки, Белинского, Горького, Маяковского...

Обратимся, однако, еще раз к цифрам. На стройплощадке своего дворца колхозники отработали свыше ста шестидесяти тысяч трудодней.

В одной из лож.

Что же представляет здание в цифрах? Его объем свыше тридцати пяти тысяч кубических метров. В нем сто сорок комнат. Помимо зрительного зала и комнат для кружков, в нем размещены правление колхоза со всеми агротехническими службами и кабинетами, выставочные залы, чайхана и ресторан, библиотека-читальня и гостиница, комната матери и ребенка. Предусмотрены помещения, где любители кулинарии будут сами готовить любимые кушанья. Фойе с колоннами устроено так, чтобы в центре можно было поставить высокую елку.

Вокруг дворца распланированы стадион, парк, фруктовый сад и поля с опытными участками всех культур, какие возделывают колхозники, а на спуске против парадного входа завершается строительство бассейнов и фонтанов.

А может быть, фонтаны — роскошь? Нет, красота стала потребностью. Бассейны и фонтаны тем более не роскошь, что они дадут прохладу в жаркие дни, а кроме прохлады, принесут и прямую пользу. Огромные бассейны — это запасы воды для снабжения колхозного поселка, своеобразные водонапорные башни, откуда вода самотеком может поступать в квартиры, для полива цветников, а в случае крайней нужды — и посевов. Подземные камеры и галереи, где проходят трубы,— это холодильники, где можно хранить фрукты.

...Людно было возле Дворца культуры 7 ноября 1957 года. Секретарь парторганизации колхоза Заидов нервничал: то заходил в зал, то возвращался в вестибюль, к окнам. Почти все места уже заняты, а народ все прибывал и прибывал. Не закрывать же дверь!

Хикмат Юлдашев, подойдя к нему, весело сказал:

— Прав был раис. Мало мест в зале...

В тот вечер концерт слушали полторы тысячи колхозников. В партере в первых рядах сидели женщины, за ними — мужчины, в ложах — почтенные старики, те, кто учился когда-то в школе Кахара Ходжаева.

Правое верхнее фойе зрительного зала.

Майя МЕРКЕЛЬ

Из дневника второго оператора фильма.

Вернулись домой. Все осенне-зимние эпизоды фильма на пленке — и начинаются павильонные съемки. Здесь нашему графику ничто не угрожает, и мы без задержки переходим из одной декорации в другую. Основных декораций три: «Дом Мелеховых», «Дом Астаховых» и «Дом Листницких».

Из хутора привезли мебель, утварь и даже посуду. В куренях появились настоящие донские лавки, сундуки, столы и двери, в людской «Ягодного» — потемневшее от времени корыто, глиняные горшки. Теперь комнаты уже не выглядят, как декорации.

Пока строили «Дом Астаховых», мы взялись за сцены в «Ягодном». Здесь в жизни Григория и Аксиньи происходит много событий: сюда приходит Наталья для объяснения с Аксиньей, тут умирает ребенок, отсюда Григорий уходит на фронт, сюда же возвращается из госпиталя.

Снимаем «Приход Натальи». В углу около плиты, у кипящего бака, возится Быстрицкая. Она готовит свое «рабочее место». В этой сцене ей придется стирать. Герасимов всегда обращает внимание на руки актеров. Давно уже без маникюра, загримированные, руки Быстрицкой все еще не нравятся режиссеру. И актриса перед съемкой старательно стирает груду белья.

Из сцены в сцену идут поиски наиболее удачного грима, причесок, костюмов исполнителей. Решили, что у Аксиньи должно немного лосниться лицо (обычно актера перед съемкой припудривают). Покрасневшие от стирки руки, вспотевшее, усталое лицо преобразили Быстрицкую.

— Почему Наталья так опрятно одета? — спрашивает Герасимов художника по костюмам.— Забыли, что дорога из Татарского до Ягодного довольно длинная и пыльная?

И вот уже Наталья, запыленная, со случайно приставшими к юбке колючками репея, выглядит совсем по-иному. Чувствуется, что пришла она сюда не из чистой костюмерной, а из донской степи.

Сцена рождается медленно. Сначала на репетиции Быстрицкая качала завернутую в одеяло куклу. Когда же в ее руках оказалась девятимесячная Ирочка, появилась та искренность и то недостающее «чуть-чуть», которое принесло актрисе удачу.

В поисках правды интонаций режиссер запрещает актерам говорить более громкими голосами, чем того требует содержание сцены. Это осложняет запись. Нужно создать в павильоне идеальную тишину, чтобы посторонние шумы «не накладывались» на голоса исполнителей. Поэтому, когда идет съемка в декорации «Людская», звукооператор Д. Флянгольц занимается довольно странным, на взгляд непосвященного, делом: перед каждым дублем берет у актеров их чирики (казачья обувь типа тапочек) и бросает в бак с кипящей водой. «Сваренные» чирики надевают актеры. Это делается для того, чтобы уничтожить скрип обуви.

Окончание. См. «Огонек» № 50.

Актеры «настроились» — у З. Кириенко вот-вот брызнут слезы.

Переехали в «Дом Астаховых». Актеры репетируют следующую сцену — «Возвращение Степана из лагерей и избиение Аксиньи». Быстрицкая, зная, что режиссер требует прежде всего жизненной правды, готовит себя к физически самой тяжелой сцене в картине. Глядя на кулаки Степана, становится страшно и всем нам.

Природа кинематографа такова, что позволяет разделить подобный эпизод на ряд монтажных планов, и они будут обладать не меньшей впечатляющей силой. Делается это так: в одном кадре Степан наносит удар (конечно, мимо лица Быстрицкой), а в следующем кадре Аксинья со стоном отлетает к порогу и падает под лавку. Но и здесь не обойтись без болевых ощущений, тем более, что кадр снимается несколько раз подряд.

Сцена репетировалась долго, но, несмотря на старания актеров, оставалась формальной. Тогда Герасимов предложил сделать ее по-новому: он посоветовал Быстрицкой играть с полуулыбкой на лице. Эта рожденная страхом улыбка в сочетании с бешеными глазами Степана обострила столкновение, внесла недостающий подтекст. Экспромт удался, сцена стала живей и интересней.

В декорации «Дом Мелеховых» предстояло снять не один год жизни семьи: с ее печалями и радостями, ожиданиями и проводами, со смертями, свадьбами и крестинами — десятки сцен всех трех серий фильма. На съемку собрались все Мелеховы, даже маленьких Мишатку и Поленьку привезли мамы из Каменска. Прибыл и казачий хор, созданный еще зимой. В эти дни, зайдя в режиссерскую, мы как бы попадали на хуторскую посиделку — хор готовился к свадьбе Григория. В это время в павильоне шли съемки.

Обвешанный крестами, посреди хаты стоит в окружении домочадцев Григорий. Еще в Диченске мы сняли первый кадр этой сцены: Наталья с ребятишками на руках и Ильинична поднимаются на крыльцо. А вошли они в хату через... три месяца, в павильоне студии.

Очень живо ведут себя дети: Полюшка во время съемки так заливается смехом, что невозможно не улыбаться.

Снимали сцену несколько раз, поэтому в мешок с подарками, который привозит Григорий, попадали надкусанные пряники — ими в предыдущих дублях отец угощал Полюшку. И вот во время съемки, когда девочке достался уже раз «отснятый», использованный пряник, Мишатка, дернув Ильиничну за подол, объявил на весь павильон:

— Баб, а баб, а у ей надкусанный...

Дубль был испорчен.

Импровизация Юры-Мишатки, раскрывающая тайны кинематографа, продолжается и в следующей сцене.

Семья сидит за праздничным столом.

— Пап, а пап,— Юра нетерпеливо дергает Глебова за кресты на гимнастерке,— ты шо воду все глушишь и глушишь? (По сценарию Григорий пьет водку.)

Расшалившиеся Мелеховы-младшие так и не дали в этот вечер доснять эпизод до конца.

Готовим «Утро в семье Мелеховых». Надо передать в освещении декорации эффект раннего летнего солнечного утра. Бригадир светотехников Григорий Журавлев командует: «Дать полный свет»,— и декорация освещена. Но пока это лишь хаос световых пятен. Оператор указывает, куда направить луч каждого прожектора. И комната преображается. Солнечные зайчики рассыпаны на стенах и на полу, яркий сноп лучей пробивается сквозь щель ставен, освещая раскинувшуюся в постели спящую Наталью. Воздух пронизан солнечным светом (это достигается с помощью дымовых шашек, задымляющих павильон).

По количеству участников «Свадьба» — самый большой эпизод в павильоне.

Праздничный стол ломится от яств. Рядом с Григорием сидит поразительно похорошевшая Наталья — Зине Кириенко явно к лицу подвенечный наряд. В съемке участвует хор из Диченска. С неподдельной простотой исполняет он свадебные песни. Мы забываем, что находимся в Москве, в павильоне студии: с таким увлечением танцуют диченцы. Самое удивительное, что наши гости с хутора, впервые снимающиеся в кино, совершенно забыли о камере, они естественны и веселы.

Людмила Хитяева (Дарья) и Геннадий Карякин (Кошевой) долго изучали это только на первый взгляд кажущееся несложным топтание на месте и плавное раскачивание на ходу. А когда научились, их уже нельзя было остановить. Заразившись общим весельем, актеры вместе с казаками так увлеклись, что даже команда «стоп!» не могла водворить тишину на съемочной площадке.

Мы снова в Каменске. За четыре месяца надо снять все сцены, происходящие весной и летом. В Москве еще холодно, а здесь цветут яблони и вишни.

Первые же съемки принесли новые хлопоты. Ветры и пыль чрезвычайно осложняют нашу работу: всю аппаратуру приходится ежедневно разбирать. Свои заботы и у актрис. Они должны научиться легко и свободно носить коромысла с полными ведрами, ходить босиком — словом, привыкнуть к новым условиям жизни. Все это дается с трудом. Элина Быстрицкая жила в Каменске в большом пятиэтажном доме, и вот каждое утро, пока дети еще не вышли гулять, она подолгу ходила по двору с тяжелым коромыслом на плечах.

Михаил Кошевой приходит на мелеховский баз повидаться с Дуняшкой. Весна. Сады в белоснежном убранстве.

Так должно быть на экране, но цветы яблонь уже опали, не помогают и листочки белой бумаги, которые еще недавно спасали нас во время съемки одной из сцен, когда мы ими посыпали Григория и Наталью. Выручают золотые руки бутафора Анны Андреевны. Ее искусственные цветы так хороши, что, глядя на три великолепные, чудесно «расцветшие» яблони, все в один голос заявляют, что они еще «естественнее» настоящих.

Хуторяне считают героев «Тихого Дона» своими. Как-то раз жена Петра Петровича Глебова, только недавно приехавшая в Диченск, после прогулки возвращалась с детьми домой. Плохо ориентируясь в новом месте, она безуспешно пыталась узнать у встречных, где живет актер Глебов. И лишь когда спросила: «Ну, а где живет Гришка Мелехов?»,— ее тут же довели до хаты.

Глебов много времени проводит в обществе колхозников. Страстный рыболов, он не одну ночь просидел у костра со своими «земляками». А уж попеть запевалой в компании казаков — это его любимое занятие. Старики только удивлялись: «Ты, может, и правда из казаков? У тебя даже походка, и та наша».

Ранним утром Элину Быстрицкую, когда она шла к тете Уле пить кислое молоко, догнал на своем Диктаторе Петр Петрович. «Чертяка бешеный! Чудок конем не стоптал!» — крикнула ему Элина фразу из сцены, которая должна была на днях сниматься. Глебов подхватил шутку и, отвечая уже словами Григория, продолжил импровизированную репетицию. Случайно повстречавшаяся бабушка с коромыслом решила вмешаться в беседу. Не успел Петр Петрович произнести: «Что ж, Степан твой собрался?.. Небось, будешь скучать по мужу? А?»,— как она, не дав Элине ответить, обратилась к Глебову: «А по тебе жена, что ли, не скучает?» Теперь «репетировали» уже втроем. И только, когда остановились у колодца, старушка поняла, что перед ней актеры. «Фу ты, сатана, так ты ж Аксинья, а я-то думала, кто из наших!» — смутилась казачка. Быстрицкая и Глебов были довольны: реакция бабушки подтвердила, что сцена удается.

Темпы съемки все растут. Вот план дня: две большие дневные сцены — «Первое свидание Григория и Аксиньи на берегу Дона» из первой серии и «Свидание Григория и Аксиньи на берегу Дона» из третьей,— а вечером еще предстоит «режимная» съемка.

Режимной съемка называется тогда, когда для воспроизведения на экране ночного или вечернего освещения ее нужно произвести в течение каких-нибудь 15—20 минут после захода солнца.

Первая сцена очень тяжела для исполнителей: не один десяток раз во время бесконечных репетиций вскочит на коня Глебов, а Быстрицкой придется нести в гору полные ведра. Недаром еще в самом начале, когда шли кинопробы, Герасимов предупреждал Петра Петровича и Элину, что картина трудная — не только из-за сложности характеров героев, но и из-за большой физической нагрузки.

Результаты тренировки видны. Элина с коромыслом на плечах легко поднимается по крутой тропинке, произнося еще при этом довольно большой текст.

Через два часа снимаем следующее свидание. После сложнейшего грима Быстрицкая и Глебов «постарели» на много лет, отделяющих первую серию от третьей.

Режимный кадр «Уход Григория с Аксиньей из хутора» снять в этот день не удалось. Когда солнце зашло, изменилось направление ветра, и стелющийся над рекой пиротехнический «туман» стал похож на дым пожарища. Когда же он рассеялся, на обычно пустынной реке вдруг начался «парад» моторных лодок. О синхронной съемке (одновременно происходит съемка и запись звука) нечего было и думать. Время было упущено. Бывают вот такие «невезучие» кадры: они проскакивают на экране за одну — две секунды, а изматывают больше, чем сложные сцены.

Дети Диченска не отходят от съемочной площадки. Затаив дыхание, смотрят они на все происходящее. Вечером же, когда съемочная площадка пустеет, маленькие диченцы вместе со своими московскими приятелями разыгрывают увиденное днем: «Герасимов» обычно выбирается из москвичей. «Рапопорта» играет немного меланхоличный белобрысый семилетний Игорек, сын бутафорши Анны Андреевны. В этой роли его никто не дублирует, и поэтому, когда он уезжал с мамой в Каменск, «съемка» прекращалась. Почетная роль Григория поручена хуторской Зинке — языкатой и живой девчонке, Аксинью играет Оля Глебова. По команде «Герасимова» начинала скакать на венике Зина, кокетливо улыбаясь бегала рядом с коромыслом на плече Оля. Изредка раздавался крик: «Где стул Герасимова?» Тогда откуда-то вытаскивалась старая плетеная корзина, изображавшая режиссерское кресло.

В сцене, где к лежащему в ознобе Кошевому приходит Мишатка, снимается новый «актер» — Валерик. Все решили, что сама судьба послала нам этого «настоящего Мелехова» — по странной случайности фамилия Валерика тоже Мелехов.

Он очень способный мальчик: без запинки произносит текст, осмысленно расставляя акценты. Ведет себя как профессионал — во время репетиций играет нехотя, лениво кивая на замечания, всем своим видом давая понять, что ему надоели репетиции, но, увы, надо терпеть режиссерскую «блажь». Однако, как только начинается съемка, он точно выполняет все указания и играет искренне и правдиво, если так можно сказать о семилетнем малыше.

...Сегодня снимаем сцену, о которой когда-то с ужасом думала Людмила Хитяева,— «Самоубийство Дарьи».

Операторский экран с камерой установлен прямо в Донце, и Рапопорту приходится работать, находясь по пояс в воде. Кульминационный момент сцены снимаем с плота. Вот когда придется Хитяевой продемонстрировать свои успехи в плавании. А они несомненны: преодолев «водобоязнь», она не только научилась держаться на воде, но даже переплывает широкий Донец.

Последний раз оглядевшись вокруг, Дарья медленно погружается в воду... Актриса так искусно имитирует самоубийство, что, когда мы с плота видим, как она медленно погружается в воду, на какую-то долю минуты становилось страшно.

Кадр снимается много раз. От бесчисленных погружений глаза у Людмилы воспалились, чувствуется, что силы ее на пределе. Но она выдержала эту мучительную съемку до конца.

Итак, нам осталось снять три большие сцены: «Подсолнухи», «Бахча», «Привод пленных и расстрел Котлярова Дарьей». Особенно торопимся с первой: сильные ветры грозят оборвать все шапки подсолнухов, специально посаженных в начале лета для этого эпизода. Но, пока подтянули технику, подсолнухи пришли в негодное состояние. Переезжать в другое место нельзя: только здесь можно использовать живописный речной пейзаж. Пересаживаем подсолнухи с других участков. Больше чем на один дубль их свежести не хватает — каждый раз повторяем процедуру.

Опять переезжаем на новое место — туда, где когда-то на рассвете проснулись в арбе засыпанные снегом Наталья и Григорий. Сегодня снимаем происшедший через много лет на этой же бахче «Разговор Ильиничны и Натальи».

...Утомленные зноем женщины обедают прямо на земле. Повзрослевшая и много пережившая за эти годы Наталья угрюмо молчит. Внезапная гроза бурно отдается в душе несчастной женщины: с криком простирает она руки к небу, проклиная Григория.

С утра собравшиеся на горизонте тучи радовали группу. Наконец-то погода нам благоприятствует! Тем не менее на площадке собран целый арсенал техники, нужной для «грозы». Стоят наготове ветродуй и пожарные машины. Самим «создавать» ливень удобнее, чем приспосабливаться к настоящему.

Сцена на бахче — одна из самых драматичных в роли Натальи. На первой же репетиции Зина Кириенко «выдала» взрыв чувств такой силы и глубины, что режиссер пожалел, что не начали снимать сразу, без репетиции. Все понимали — снять эпизод надо быстро, с минимальным количеством дублей, так как нервного заряда актрисы надолго хватить не может.

И вот подхваченные ветром летят шарики «перекати-поле». На фоне зловещего неба две женские фигуры. По команде «Дождь!» начинают работать пожарные шланги. На актрис и даже на операторов обрушиваются струи воды. А черные, зловещие тучи закрыли уже почти весь небосвод. Торопимся кончить до того, как хлынет настоящий ливень.

Последний эпизод летней экспедиции — «Привод пленных». Во время таких съемок особенно много работы выпадает на долю

Последний «штрих» (художник-гример А. Смирнов и Григорий Мелехов).

Очень серьезно и внимательно слушает Валерик Мелехов указания С. А. Герасимова.

режиссеров В. Дормана и Г. Оганесяна. Необходимо собрать двести пятьдесят человек и научить каждого из них «играть».

Репетируем долго. Вместе с Дарьей все убедительнее и правдивее становится поведение участников массовки. Глазами, полными слез, смотрит на все происходящее актриса Е. Максимова. Эпизод волнует ее и как мать Михаила Кошевого и как актрису: ведь она уже второй раз в жизни переживает эту страшную сцену — в 1930 году в немом фильме «Тихий Дон» Елена Александровна играла Дарью.

Каменская экспедиция закончена. Позади и зимние холода, и пятидесятиградусная жара, и разъедающая глаза пыль. Но вся донская «натура» уже на пленке. Мы расстаемся с гостеприимными Диченском и Каменском, где провели около восьми месяцев. С этими местами теперь уже навсегда связана история нашего фильма. Да и не только фильма — одиннадцать свадеб сыграли в нашей группе после летней поездки.

Мы снова в пути — поезд идет в Ленинград. Предстоит снять эпизоды из жизни светского Петербурга, приезд Корнилова в Москву (этот эпизод удобнее совместить с ленинградскими сценами, так как все они требуют большой массовки), а главное — «Залп «Авроры» и «Взятие Зимнего».

Вчера, как обычно, был генеральный смотр городской «натуры». А уже сегодня на Витебском вокзале в 8 часов утра начали съемку. В таком большом городе, как Ленинград, она сопряжена с множеством трудностей. Но основная — необходимость оградить съемочную площадку от толпы кинобольщиков. Их упорству и терпению поражаешься: они в состоянии простоять несколько часов, неот-

Подготовка к съемке одной из батальных сцен.

рывно наблюдая за самыми повседневными делами киногруппы.

До прибытия из гримерной Корнилова, Краснова и Каледина еще далеко: их грим требует не одного часа работы. Ведь надо создать точно скопированные с фотографий лица.

Пока не прибыли исполнители, идет техническая подготовка к съемке: укладываются тридцать метров рельсов, по которым будет двигаться тележка с камерой, светотехники подкатывают осветительные приборы, пиротехники приспосабливаются к ветру: надо, чтобы дым шашек не заволакивал камеру и актеров.

Появившийся на перроне женский «батальон смерти» вызывает особенно сильный ажиотаж зрителей. Но вот, наконец, двигается блестящий «генералитет» — маленький, тщедушный Корнилов (А. Калинцев), за ним Краснов (Д. Днепров) и Каледин (А. Иванов). Прибыл специально приглашенный на съемку военный оркестр.

Начали репетицию. Гремит марш, встречающие с воодушевлением размахивают букетами, но... поезд провозит Корнилова на несколько метров вперед, и он не попадает в кадр. «Стоп!». Все начинается сначала. Поезд подают назад, массовка становится на свои места, камеру откатывают на исходные позиции.

Приступаем к съемке на «Авроре». Выстрел будет произведен именно из той пушки, которая сорок лет назад возвестила миру о начале Великой революции.

Ранним утром подъехали к крейсеру. Поднялись по трапу наверх. Бьют склянки. Вахтенный кого-то приветствует. По палубе по-хозяйски проходит небольшого роста худощавый человек в штатском. Моряки с уважением здороваются с ним; чувствуется, что прибыл желанный гость. Это Александр Викторович Белышев — первый комиссар «Авроры», ныне главный механик «Ленэнерго». Очень просто и немногословно рассказывает он нам о событиях, происшедших на «Авроре» в 1917 году.

Осматриваем со всех сторон знаменитую пушку и намечаем точку для камеры. Вечереет. Вся группа на борту «Авроры». С пушки сняты чехлы, орудийный расчет делает последние приготовления. С большой осторожностью отвинчивают со стенок мемориальные доски. Все взволнованы: ведь выстрел «Авроры» не такое уж частое событие в Ленинграде. На набережной в немом восторге замерли мальчишки — они взволнованы не меньше нас. Выстрел, за ним второй и третий. Над вечерним Ленинградом гремит трехкратный салют (снимали три дубля).

Не успел отгреметь выстрел «Авроры», как мы, точно следуя поговорке, попали с корабля на бал — снимаем «Ресторан «Донон».

Натурная декорация выстроена на берегу Мойки во дворе Ленинградской капеллы. Около накрытых в «саду» столов суетятся официанты, приглашенные на сегодняшнюю съемку из одного ленинградского ресторана. Несколько человек, когда-то работавших в «Дононе», помогли восстановить обстановку этого известного в те годы заведения.

К решетчатым воротам с вывеской «Донон» подкатывает игровой транспорт: пролетки, запряженные рысаками, лимузины. За накрытые столы усаживаются актеры и участники массовки. Оркестр наигрывает «Аргентинское танго» и знаменитый боевик тех лет «Пупсик». Мы устанавливаем свет: размещаем приборы, проверяем плавность движения тележки. Художники вносят последние коррективы в декорацию.

Начинается репетиция. Все приходит в движение: снуют с подносами официанты, скрипач выводит томную мелодию, раздается смех, за столиками идет оживленный разговор. Герасимов внимательно слушает диалог между Калмыковым (Михаил Глузский) и Листницким (Игорь Дмитриев).

А пока идет актерская репетиция, Оганесян организует «второй план». Надо создать ощущение нервного, почти истерического оживления, которое сопутствовало жизни столицы летом 1917 года.

По Дворцовой площади, которая хорошо видна сквозь решетку, гарцуют казаки, проносятся отполированные английские ландо. По набережной у ресторана гуляет толпа, хорошенькие сестры милосердия, кокетничая, собирают деньги у прохожих в пользу раненых; блестящие офицеры нагло рассматривают дам и молоденьких гимназисток; прохаживаются петербургские «тузы». А рядом из-под нахмуренных бровей поглядывают на все это солдаты в рваных шинелях...

Сегодня снимаем «Взятие Зимнего». Много раз происходила на Дворцовой площади съемка таких кадров (в фильмах «Октябрь», «Пролог» и др.), и все же всегда она волнует ленинградцев. Еще утром, задолго до начала съемок, к нам начали подходить люди с самыми разнообразными советами и вопросами. Очевидцы и участники этого великого дня с удовольствием делились своими воспоминаниями. Вот седой старик с жаром рассказывает о том, как шло наступление на Зимний со стороны Миллионной улицы.

— Баррикада была уложена не так, — смущаясь, говорит какая-то пожилая женщина. Она явно боится, что ее вмешательство будет сочтено излишним, но пройти мимо неправильно уложенных бревен не может. На площадь пришла и группа старых большевиков.

Нас всех трогает и волнует забота старых питерцев о том, чтобы все снималось «так, как было». Ведь это им, бравшим в семнадцатом царский дворец, посвящена сегодняшняя съемка. Сколько воспоминаний будит, вероятно, у этих людей преображенная Дворцовая площадь! На воротах Зимнего — двуглавые орлы, длинная цепь баррикад протянулась вдоль фасада. Машина за машиной подвозят на площадь сотни участников массовки. К съемке привлечены воинские соединения. Костюмеры сбились с ног: солдат переодевают здесь же, на площади. Кругом чистят пулеметы, раздают винтовки с холостыми патронами, каждому подразделению объясняют его задачу.

В лучах прожекторов рельефно видна решетка ворот Зимнего. Пиротехники «закладывают» на Миллионной два «взрыва». Идут последние приготовления к «штурму».

И вот съемка. Застыла, приготовив фотоаппараты, целая армия фотокорреспондентов. Кроме них, работу группы снимают сегодня Московская и Ленинградская студии кинохроники. Герасимов еще раз обращается к участникам съемки с просьбой как можно серьезнее отнестись к предстоящей «атаке».

Два столба огня взлетели в воздух на Миллионной. Могучее «ура» несется над Дворцовой площадью. Многосотенная толпа распахивает ворота и врывается во дворец. Залпы сотен винтовок, мощным гулом отдающиеся под сводами Зимнего, возвещают нам и тысячам зрителей, что съемка завершена.

Ленинградской экспедицией закончены съемки первых двух серий фильма. Сейчас они уже вышли на экран. За четыре часа перед зрителями проходят кадры, в которые вложен годовой труд большого творческого коллектива: и киноработников, и жителей Каменска, и диченских хуторян. О том, как он тяжел, сложен и интересен, я и хотела рассказать.

А мы продолжаем съемки, кончаем третью серию.

На съемке финала картины.

В СИРИИ

Дамаск. Бульвар Абу-Румани — новый район сирийской столицы.

Фото Н. ДРАЧИНСКОГО

По всей Сирии прошла «Неделя защиты Отечества». На большом митинге ополченцев на окраине Дамаска выступили президент республики Шукри Куатли, члены правительства, руководители армии.

Сын феллаха Шаабан Халаф из села Маскене на берегу Евфрата.

Село Мурик на севере страны. Форма жилищ обусловлена климатом: в этих домах прохладно даже в самую сильную жару.

Дамасская сталь

Дамаск.

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Сережки Афас

— Это настоящая дамасская сталь, саид! — Хусейн эль-Шагур поднял кверху указательный палец, как восклицательный знак.

На столике лежал старинный меч. Кожа его ножен истлела и вспушилась мягкими лохмотьями, серебро украшений почернело, и медь в изгибах и завитках поросла зеленью.

Старик долго возился, кряхтел от натуги, жилы вздулись на его морщинистом лбу, прежде чем ему наконец удалось вытащить меч из дряхлого футляра и кривая полоса стали сверкнула жемчугом.

— Я не знаю точно, сколько лет прошло с тех пор, как дамасский кузнец выковал этот клинок. Может, тысячу, а может, и больше. Но это настоящая дамасская сталь, саид! — говорил Шагур и нежно гладил свежий холодный металл, украшенный узорами арабесок, массивную янтарную рукоять.

Лавка Шагура находится почти в центре старого Дамаска, в самой древней его части, неподалеку от ворот «Баб Шарки». Улочки здесь узкие, как тропинки, дома застыли в тесном извечном объятии и образуют один сплошной массив из глины и камня. Здесь живут и трудятся знаменитые дамасские ремесленники, искусные мастера, великолепные изделия которых издревле стяжали им мировую славу. Произведениями дамасских умельцев полна лавка Шагура. Шкатулки, инкрустированные перламутром, красным, абрикосовым, розовым, фисташковым деревом. Огромные медные, сверкающие, как солнце, блюда-подносы, испещренные тончайшей резьбой. Кувшины, кофейники, флаконы для розового масла, расшитые золотом туфельки и пестрые халаты, рулоны брокара — ослепительной и мягкой дамасской парчи. Немало в лавке было вещей глубокой древности: черепки арамейской эпохи, почерневшие монеты, даже мраморная голова с отбитым носом какой-то богини, найденная в заметенной песками Пальмире. Все это пестрое великолепие лежало на полках, громоздилось на прилавке, свисало с потолка, занимало стены и значительную часть пола, превращая темную и тесную лавчонку в сказочную пещеру. Но особенной гордостью Шагура был этот старинный дамасский меч.

Старик опустился на низенький стульчик и, посасывая мундштук наргиле, продолжал:

— Вы правы, саид. Секрет твердой дамасской стали утерян давно, и теперь никто не знает, как ее делали. Много веков назад последний мастер ушел в вечное царство Аллаха, великого и славного, и унес с собой секрет стали. Но это не вся правда, а только половина ее. Мудрецы говорят, что дамасская сталь не исчезла бесследно, ее крепость переселилась в наших людей. Вы улыбаетесь и, конечно, считаете это сказкой. Пусть так. Но разве сказку рождают пески или камни? Ее рождает сама жизнь.

Хусейн эль-Шагур отставил в сторону наргиле и похлопал в ладоши. Вскоре из кофейни, которая находилась против лавки, служитель принес маленькие чашечки кофе, ибо здесь ни одна беседа не проходит без этого крепкого напитка.

— Это магазин, а не музей, — продолжал старик, прихлебывая кофе. — Но и те немногие вещи, что случайно дошли сюда из минувших веков, имеют свои признаки и свой язык, который понимают люди сведущие. Они, подобно мудрой книге, рассказывают о прошлой жизни народа. Сколько разных завоевателей и властелинов побывало на нашей земле! Но народ не склонял головы. Он всегда боролся, он сохранил и сказки свои, и узоры, и душу свою. А это могли сделать люди крепкие, как эта сталь.

Чтоб убедиться в этом, не обязательно обращаться к мертвому языку камней и книг. Об этом вам расскажут живые люди, — говорил Шагур. — У меня было два брата. Младший погиб во время восстания в 1927 году. Вы знаете, наверно, что после первой мировой войны восстания в Сирии сменялись одно другим. Но самое большое из них началось в 1925 году. Бои продолжались два года. Брата убили иноземцы в горах Джебель-Друз. Старший брат тоже погиб, почти двадцать лет спустя. В мае 1945 года снова весь народ взялся за оружие. Мы прогнали чужеземцев, но разве легко нам далась победа?!.

Гость хочет знать, что я думаю о нынешних делах? Я сейчас покажу. — Шагур пошел к ветхой конторке и достал из ящика сережки очень тонкой и искусной работы, сотканные из золотой паутины и оттененные нежной бирюзой.

— Это для моей внучки, — сказал старик и сам залюбовался привлекательной вещицей.

Далее я узнал, что внучка Хусейна эль-Шагура, студентка Афас, как и многие ее подруги, состоит в отряде самообороны. Вчера она получила приз за меткую стрельбу из боевой винтовки. Сейчас грозное для страны время. Войска новых захватчиков уже стоят у самой границы и ждут удобного случая, чтоб напасть. Старик придерживается старых взглядов, но разве коран запрещает женщине защищать родину?! К призу, полученному Афас, он решил добавить еще и свой подарок.

— Рассудите сами, разве можно говорить, что дамасская сталь бесследно исчезла, если даже девушки взялись за оружие, когда враг стал у ворот?! Но это еще не все. Всякий знает: трудно бывает человеку одному, без друзей. Маленькому народу тоже трудно. А у Сирии сейчас могучие и верные друзья! Вот мы и не боимся стаи шакалов, оскаливших зубы!

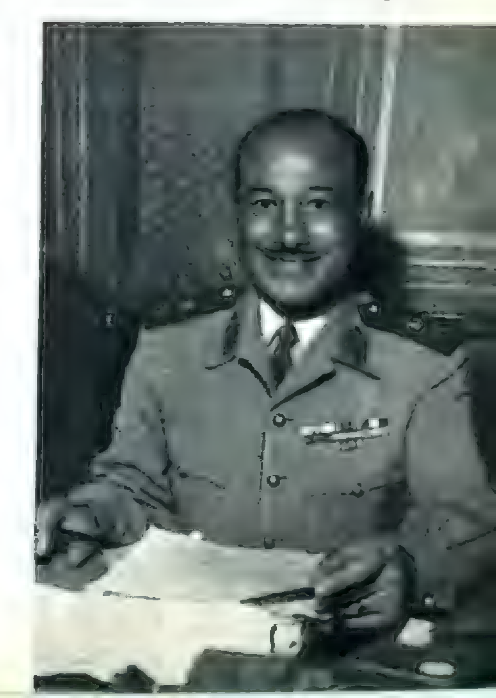
Старик снова посмотрел на сережки и сказал:

— Женщине приятно иметь красивые сережки, даже если она с ружьем. Ведь это правда, саид?

Генерал Бизри

Начальник генерального штаба сирийской армии генерал Афиф Бизри принял меня в своем кабинете. Из-за большого стола поднялся коренастый, плотно сбитый человек с живыми глазами. Генералу 43 года. Он родом из Сайды — небольшого городка на юге Ливана. В свое время отец Бизри был туда выслан из Сирии за участие в борьбе против колонизато-

Начальник генерального штаба сирийской армии генерал Афиф Бизри.

ров. Отвечая на вопросы, генерал не спеша перебирал четки.

— Хотя я сам военнослужащий,— сказал начальник генерального штаба,— но должен сознаться, что больше люблю мирные праздники, нежели военные представления. Однако сейчас ситуация такова, что Сирия вынуждена всемерно укреплять свою оборону.

Далее генерал обрисовал обстановку, сложившуюся в те дни на границах Сирии. На севере Турция продолжала концентрацию войск вдоль границы. Туда прибывали все новые части; сотни танков и самолетов были вплотную придвинуты к сирийской территории. На границе не утихали различные провокационные вылазки. На большой высоте над Сирией появлялись самолеты, которые залетали во внутренние районы страны. Они прилетали со стороны моря, где крейсирует Шестой американский флот. В турецких газетах печатались хвастливые заявления о том, что они могут в один день оккупировать Сирию. На южной границе израильские подразделения тоже постоянно устраивали военные провокации.

Парламент Сирийской республики. Здесь представители оппозиции заявили, что в эти грозные для родины дни они снимают все разногласия и полностью поддерживают политику правительства, направленную на укрепление независимости страны.

— Империалисты хотели внезапно атаковать Сирию, чтоб сменить неугодное им правительство. Но они не застанут нас врасплох. Сирийская армия готова отразить нападение. Она сильна своим вооружением, хорошей подготовкой и, самое главное, своим высоким моральным духом. Это армия патриотов, которые защищают свободу и независимость своей страны против империалистических грабителей. Наша армия невелика по численности. Поэтому мы включаем в систему нашей обороны добровольческие отряды, в том числе женщин и старших учеников. Агрессоры ошибаются, если они думают, что будут иметь дело только с армией. Весь сирийский народ готов выступить на защиту родины...

Отвечая на мой вопрос о сотрудничестве между сирийской и египетской армиями, генерал Бизри сказал:

— Вы знаете, что в Сирию прибыли контингенты египетских войск. Это — практическое доказательство того, что обе наши армии — единое целое. Впервые два арабских государства выступают единой семьей против угрозы империалистической агрессии. Обе армии объединяет одна цель — борьба за независимость. Раньше было различное командование, но теперь сирийские и египетские офицеры командуют совместно, а солдаты двух наших стран отлично служат в одних и тех же подразделениях.

В заключение беседы генерал сердечно благодарил советский народ за его бескорыстную и братскую помощь Сирийской республике.

Политика Ахмара

На площади Саба Бухейрат, что значит Семь озер, строится новый дом. В нынешнем Дамаске это не редкость. Куда ни посмотришь, обязательно увидишь одно, два или больше строящихся зданий. Город очень быстро растет. Муниципалитет не успевает присваивать имена новым улицам и кварталам. Великолепная новая улица, застроенная красивыми многоэтажными домами, в одном из которых находится советское посольство, до сих пор называется «Бустан Кузбари», что значит «Огород Кузбари». И действительно, еще совсем недавно там были огороды.

Стройка на площади Саба Бухейрат. Справа: Омар Ахмар.

С высоких лесов стройки на площади Саба Бухейрат виден обширный городской район Новая Мазраа. Сотни больших домов привлекательной южной архитектуры, множество новых улиц. Каменщик Омар Ахмар, указывая на эти дома, с понятной гордостью рабочего человека, говорит:

— Я строил многие из этих домов. Пять лет назад здесь был пустырь.

Пять лет назад Омар приехал из бедной деревни, расположенной на краю пустыни, искать работу в городе. В то время на ржавом, пыльном пустыре закладывались первые фундаменты. Теперь он старший рабочий на стройке и с гордостью смотрит на плоды своего труда.

— Сейчас во всех домах и кофейнях говорят об экономическом соглашении Сирии и СССР,— рассказывает Омар Ахмар.— Инженеры из России здесь были, составили проекты: плотины, дороги, заводы. Надо мной всегда смеется мой друг Касем. Ты, говорит, в политике не разбираешься. По-

Народ учится владеть оружием.

«Дружба! Дружба! Дружба!» — скандировали студенты Дамасского университета.

ТРЕЗВЫЕ ГОЛОСА

Известный американский промышленник и общественный деятель Сайрус Итон выступил недавно на страницах газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» с предложением организовать встречу ученых всего мира для обсуждения вопроса об атомной угрозе, нависшей над человечеством. Летом этого года по инициативе С. Итона в Пагоуше (Канада) встретились ученые и общественные деятели ряда стран и обменялись мнениями по этому же вопросу. Новое выступление С. Итона явилось откликом на известное обращение советских деятелей науки о мобилизации сил ученых всех стран для предупреждения атомной войны.

В своем письме в редакцию журнала «Огонек» Сайрус Итон пишет:

«Вас, возможно, заинтересуют прилагаемые отклики читателей «Нью-Йорк Геральд Трибюн» на мою статью, напечатанную в этой газете. Я получаю также много писем непосредственно на мой адрес.

Я глубоко взволнован и просто поражен тем восторженным откликом, который вызвал в США и Канаде мой призыв — достигнуть лучшего взаимопонимания между нациями с различными социально-философскими взглядами».

Ниже приводятся письма американских читателей в редакцию «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

«Статья мистера Сайруса Итона — это событие огромной важности. В условиях современного кризиса руководители должны возродить в народах надежду на мир, избрав иной путь, чем тупик холодной войны.

Предлагаемая С. Итоном международная встреча ученых и мыслителей должна продолжить то, что начато было в Пагоуше. Я надеюсь, что будет проводиться кампания в национальном масштабе, чтобы эта встреча была осуществлена.

Элиас М. Шварцбарт, Нью-Йорк».

«Удивительно, почему такие предложения не находят отклика в правительственных кругах?..

Ф. Герхардт, Саммит».

«Если бы была предоставлена возможность, миллионы американцев высказались бы в поддержку мудрой государственной точки зрения Сайруса Итона в противовес опасной детской игре Даллеса на краю пропасти...

Эрнест Кернер, Грейт-Нек».

«То, что я прочитал, обещает поднять нас на новую высоту. Очень обнадеживает то, что в конце концов часть американской прессы может и хочет посвятить себя делу сохранения жизни на этой планете, что должно, видимо, предшествовать созданию баз на других планетах. Я думаю, что серьезность, с которой мистер Итон излагает свою точку зрения, будет оценена всеми на фоне бессмысленной шумихи, которая несется из других мест.

Эрик Ходжинс, Нью-Йорк».

Сайрус Итон.

чему не разбираюсь? Если все это будет строиться, — значит, у меня всегда будет работа. Вот и вся политика!

Аудитории и казармы

Я пришел в Дамасский университет в пятницу — праздничный день у мусульман, когда не бывает лекций. Однако во дворе и в специальном новом здании для отдыха и самостоятельных занятий было множество студентов. Мой спутник подошел к трем юношам, которые стояли на лестнице, и сказал, что с ним журналист из Москвы. Уже через минуту меня окружила огромная толпа, отовсюду тянулись руки, гремели аплодисменты, а затем все стали хором скандировать по-русски: «Дружба! Дружба! Дружба!». Это русское слово было привезено из Москвы участниками прошедшего фестиваля.

Тишину удавалось восстановить лишь на очень короткое время. Едва я успевал задать какой-либо вопрос, как снова поднимался шум, отвечали все сразу, что-либо разобрать было совершенно немыслимо. При этом сыпались десятки встречных вопросов: о Москве, советской молодежи и даже такие, на которые я не мог ответить: все студенты хотят изучать русский язык, где взять преподавателя?

Видя мое бедственное положение, один из студентов, который, судя по всему, пользовался особым уважением товарищей, наконец восстановил тишину и сказал:

— Я вам скажу за всех. Видите вот тот большой корпус — раньше это были казармы французских оккупационных войск. Теперь это аудитории университета. И когда нам угрожают новые оккупанты, мы скорее умрем, чем пустим их в наши аудитории, в нашу страну.

Шумная волна одобрительных криков и аплодисментов покрыла его слова.

Кофейня «Нафура»

«Нафура» — небольшая улица в старом городе. Своим названием — «Фонтанная» — она обязана небольшой артезианской скважине, булькающей в центре каменного бассейна диаметром метра полтора, построенного в незапамятные времена. Сразу за бассейном улица упирается в глухую восточную стену мечети Омейядов, самой большой и знаменитой мечети Дамаска, где стоит гробница легендарного Салах-эд-Дина — победителя крестоносцев.

Вот здесь, возле бассейна-фонтана, и держит свою кофейню Ахмет Раббат. Не утруждая себя долгими исканиями, он назвал ее привычным именем «Нафура» — фонтан.

В своем квартале заведение пользуется широкой популярностью. По вечерам в кофейне собирается много народу, разумеется, лишь мужчины. К их услугам наргиле, душистый кофе, холодный лимонад. Если к этому добавить еще «трик-трак» — любимую на Востоке игру, — то это будет полный комплект удовольствий, которые ожидают посетителя «Нафуры».

Посетители кофейни много лет знают друг друга. Здесь обсуждаются все новости, начиная от тронной речи английской королевы до изжоги у сапожника Эша. Когда мы с приятелем случайно зашли в кофейню Раббата, шумный разговор сразу смолк. В Сирии сейчас к иностранцам относятся недоверчиво и делают это не без оснований.

В ответ на предложение приятеля выпить кофе я ответил: «Хорошо». Это очень популярное на Арабском Востоке русское слово сразу разрядило атмосферу.

— Хорошо! Руси? Ахлян ва саглян! — Люди заулыбались, и каждый подошел пожать руку.

— Как поживает саид Хорушов? — Так в Сирии называют в народе Н. С. Хрущева.

В кофейне воцарилась атмосфера искреннего гостеприимства и теплоты. Каждый хотел сказать какое-то доброе слово по адресу советского народа.

— Мы любим русских за их верную дружбу, — сказал Исмаил Сидауи, известный в округе мастер инкрустации. — Есть такая пословица: «Плохой друг — как тень: когда солнце, он рядом, а когда хмуро, он исчезает». Советский Союз рядом с нами в трудные времена. Разве не так?

— Это сейчас все знают, даже дети! — подхватил Шафик Нашевати.

Шафик — человек, уважаемый в квартале. Он делает великолепные расшитые дамские туфельки, но этим не ограничивается его известность. Три раза в день он поднимается на высокий минарет мечети Омейядов и призывает правоверных к молитве. У него от природы хороший голос, и, усиленный микрофоном, он уже двадцать лет звучит над Дамаском.

— Вот сейчас нам Камиль Эш читал газету, — вступил в разговор каменотес Мухаммед Хомси. — Мистер Даллес выступил с речью и сказал, что в Сирии народ против политики правительства и оно только оружием удерживает власть. А вот я и Камиль недавно получили оружие. У Камиля в мастерской стоит винтовка.

— Хасан, Рашид, Хамад тоже получили винтовки. Тысячи людей теперь вооружены! — добавил сапожник Эш.

— Народ получил оружие! — продолжал Хомси. — Разве правительство дало бы народу винтовки, если люди были бы против него?!

Вопрос был риторическим и не требовал ответа.

— В газете написано: «Война нервов», — сказал Эш.

— Пусть они оставят нас в покое. Нервы у нас крепкие, а у них совсем расстроились, — ответил флегматичный Исмаил Сидауи, и все рассмеялись.

В роли В. И. Ленина народный артист РСФСР Н. С. Плотников.

Фото А. Гладштейна.

Спектакль о революции

В. ПИМЕНОВ

К героической теме народной борьбы за лучшую долю не раз обращался театр имени Вахтангова. Здесь были поставлены «Разлом», «Человек с ружьем», «Интервенция», «Фронт», «Олеко Дундич», «Шел солдат с фронта»... Поэтому народная драма Ильи Сельвинского «Большой Кирилл», постановка которой ныне осуществлена Р. Симоновым, стала для вахтанговцев закономерным продолжением их художественных поисков героической темы.

«Большой Кирилл» Сельвинского можно назвать пьесой-обобщением. Рядом с обычными, живыми людьми — рабочим-большевиком Чоховым, его друзьями по борьбе, рядом с достоверными фигурами различных врагов революции в ней есть образы, вылепленные резко сатирически, символизирующие низость и падение предателей Родины. Но и в характерах жизненно-конкретных есть та художественная степень преувеличения, обобщения, когда, например, Кирилл Чохов как бы представляет собой весь революционный рабочий класс.

Любовно выписан в этой пьесе образ В. И. Ленина. Подлинные слова его, произнесенные с балкона дворца Кшесинской и освещающие драматургическую эпопею светом революционной мысли человека-борца, сочетаются с художественным вымыслом, идущим от правды жизни. Зритель как бы перелистывает страницы истории и видит: вот последние дни жизни старого мира, на развалинах царизма — Временное правительство, Керенский... А вот начинается первый день новой истории человечества — страницы, на которых начертано: Пролетариат. Партия большевиков. Ленин.

Четко проступает в спектакле главная его линия: рождение в борьбе нового мира, смерть мира старого. Быть может, с точки зрения жизненной достоверности и невероятно свидание царя и Чохова и то, что царь опускает глаза под взглядом закованного в кандалы рабочего, как и то, что самым сильным и свободным человеком в тюрьме оказывается... заключенный, а не его тюремщики. Но все это оправдано авторским замыслом, показом человеческих судеб в дни, когда близится победа революции.

Восприятию спектакля помогает выразительная игра актеров и в первую очередь А. Абрикосова в роли Кирилла Чохова. Его Чохов — это одновременно и очень близкий нам человек с понятными нам всем чувствами и переживаниями и олицетворение героических дней оживших на сцене истории, где отсеяно все случайное, частное, несущественное и, наоборот, выявлено главное, определяющее. Сочетание героического и человечного — вот то новое, что нашел в этой своей актерской работе Абрикосов.

Революция, устремленная в будущее, в завтрашний день, как бы воплощена в спектакле в образе дочери Чохова — Зои (Е. Добронравова). Она не умирает, когда в нее стреляют, она идет по стенам Кремля, неся алое знамя. Эта девушка в платье красного цвета предстает перед зрителем символом юной, прекрасной, свободной России.

Так же образно четко решена в спектакле и сатирическая его тема. М. Астангов в роли Керенского — это и глубокое социальное обличение «главноуговаривающего» и злая сатира на расслабленный инфантилизм «временно-обожаемого» правителя — таково мастерское перевоплощение актера.

Верно найденный художником И. Рабиновичем общий зрительный образ спектакля углубляет идею постановки, помогает восприятию. И поэтому особенно обидно, когда из единого по стилю спектакля выпадает такая, например, сцена, как в доме Чохова, предельно бытовая, нарочито приземленная.

...В спектакле «Большой Кирилл» органически соединились творческие усилия трех художников: автора пьесы, режиссера-постановщика и оформителя, ищущих новых путей выразительности. Хочется пожелать, чтобы их плодотворное содружество не прерывалось и дальше, обогащая театр новыми интересными работами.

Сцена из спектакля «Большой Кирилл» в Государственном академическом театре имени Евг. Вахтангова.

У ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ

Так назвал свою книгу академик И. Глущенко, известный биолог-мичуринец, активный борец за мир, совершивший многочисленные поездки по Европе и Азии.

Начав перелистывать книгу, уже трудно оторваться от нее. Перед вами встают яркие пейзажи родины Наполеона — острова Корсики и Французской Ривьеры, живописные ландшафты Англии и Швеции, братских придунайских республик: Болгарии, Венгрии, Румынии,— тропической природы южного Китая и Японии.

Мы знакомимся с видными учеными Англии в Кембриджском университете, из стен которого вышли выдающиеся деятели науки и культуры: Исаак Ньютон, Чарлз Дарвин, Байрон и многие другие. Затем мы попадаем в пригород Лондона — Даун, где всю вторую половину жизни, почти 40 лет, провел великий Дарвин. Мы узнаем, что только благодаря щедрости одного из меценатов, врача Брауна, усадьба Дарвина сохранилась для потомства.

«Нет, кажется, города, о котором было бы столько написано, сколько о Париже»,— так начинает И. Глущенко главу о Франции. И, тем не менее, он находит новые слова, освещает новые детали города, вступившего в третье тысячелетие своего существования.

С трогательной любовью, вдохновенно повествует автор о жизни великого датского сказочника, посетив маленький белый домик в одном из переулков городка Одензе. Здесь родился и провел детство Ганс-Христиан Андерсен.

Даже ученые-пушкиноведы не знали, что оригинал рукописи стихотворения Пушкина «Пробуждение», датированной 1816 годом, хранится в Королевской библиотеке Копенгагена. Фоторепродукция рукописи, подаренная автору профессором Гренбеком, помещена в рассматриваемой книге.

Богатые впечатления, полученные во время двух больших поездок по Китаю от встреч с товарищами Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем, Го Мо-жо, от бесед с крестьянами и рабочими, автор суммировал в главе «Великие преобразования в великой стране».

Мы знаем о Японии довольно много по старой литературе. Прекрасные акварели японских художников передают неповторимые пейзажи Фудзиямы, виды пагод и храмов Никко... Автор знакомит нас с другой Японией, с ее учеными и крестьянами-мичуринцами, жадно изучающими идеи нашего преобразователя природы. На третий съезд мичуринцев в 1956 году прибыло со всех концов островного государства около 250 делегатов от целой армии — свыше 100 тысяч мичуринцев-опытников, руководит которыми профессор Мацуура. Мы видим, какое плодотворное влияние оказывает советская наука на жизнь не только деревни, но и университетов и научных институтов.

Книга И. Глущенко заслуживает внимания по своему глубокому содержанию и прекрасному изложению.

Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

И. Е. Глущенко. У зарубежных друзей. Изд-во Академии наук СССР. Москва. 1957. 472 стр.

ПАМЯТНИК Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ

Москвичи и гости столицы уже в течение ряда лет, проезжая по площади Дзержинского, любуются огромной клумбой, опоясанной вечнозелеными кустами. Но клумба доживает свой последний год. Здесь скоро поднимется бронзовая скульптура выдающегося государственного и партийного деятеля, пламенного рыцаря революции Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Авторы проекта памятника — скульптор Е. Вучетич и архитектор Г. Захаров. Художественная общественность столицы дала высокую оценку проекту.

Высота памятника — около двенадцати метров, в том числе скульптуры — почти шесть метров. Монумент будет хорошо виден со всех сторон. Фигуру намечается установить лицом к улице 25-го Октября, в сторону Красной площади. Нижняя часть пьедестала — из красного полированного гранита. Фигура устанавливается на массивном бронзовом постаменте цилиндрической формы. Памятник обрамят газон и цветы.

К весне закончится изготовление фигуры и постамента из гипса в натуральную величину. Затем модели отправят в Ленинград, на завод «Монументскульптура» для отливки в бронзе.

ВСТРЕЧИ У СНАРЯДОВ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Никто из участниц всесоюзного первенства не смог лучше выполнить вольные упражнения, чем Л. Латынина.

Первенство мира 1958 года по гимнастике состоится летом в Москве. У снарядов встретятся старые знакомые по Риму и Мельбурну и та молодая смена, которая подросла за последнее время. Под знаком предстоящей борьбы и прошел всесоюзный чемпионат гимнастов. Его участники выступали по программе мирового первенства, хотя она и находится еще в стадии изучения. Победил тот, кто лучше освоил новые упражнения и допустил наименьшее число ошибок.

Этих ошибок все же оказалось немало. Кто, например, мог предполагать, что абсолютный чемпион XVI Олимпийских игр Лариса Латынина столь неудачно выступит в обязательной программе в своем «коронном» упражнении — опорном прыжке? Латынина потеряла на этом прыжке столько, что, даже получив наивысшую оценку за исполнение прыжка в произвольной программе — 9,8 балла, смогла разделить на этом снаряде только 4—7-е места. Кстати, 9,8 балла были вообще наивысшей оценкой, полученной участницами всесоюзного первенства.

Латынина блестяще выступила по вольным упражнениям, заняв здесь первое место. Она была второй после Софьи Муратовой на разновысоких брусьях, но еще одна неудача Латыниной — на бревне — окончательно решила исход спора этих двух сильнейших гимнасток мира. Софья Муратова стала абсолютным чемпионом СССР.

Но кто стоит за Муратовой и Латыниной в победном списке? Т. Люхина, восемнадцатилетняя воронежская спортсменка, обогнавшая абсолютного чемпиона страны 1956 года Т. Манину; Л. Калинина, Т. Жалеева, Р. Гаплиевская, Е. Гуц, Л. Еремина. Это все молодые гимнастки, которые быстро выдвигаются в первые ряды.

У четы Муратовых — Софьи и Валентина — есть одна давняя мечта: на каком-нибудь всесоюзном или мировом чемпионате завоевать золотые медали абсолютных чемпионов. Немало золотых медалей хранится дома у Муратовых. Вместе с серебряными и бронзовыми их столько, что супруги не сразу могут определить, кому какая принадлежит, но вот осуществить свое намерение Муратовым никак не удается.

Звание абсолютного чемпиона СССР завоевал украинский гимнаст Борис Шахлин, полноправный наследник Виктора Чукарина, завершившего свой спортивный путь победой в Мельбурне. Шахлин, лучше других успевший освоить новую программу, был первым на брусьях и коне и набрал в сумме многоборья 112,65 балла. И все же ему не удалось одному завоевать золотую медаль. Первое и второе места с ним разделил москвич Павел Столбов.

Третье призовое место завоевал товарищ Бориса Шахлина по украинской команде Юрий Титов (на Олимпийских играх в Мельбурне он также получил бронзовую медаль), почетное четвертое место занял молодой москвич В. Липатов, а пятое — Валентин Муратов. Несмотря на травму, полученную им на одной из последних тренировок перед началом соревнований, Муратов все же решил выступать, чтобы внести свой вклад в победу команды Москвы. Свою задачу он выполнил. Командное первенство СССР завоевали гимнасты столицы.

Прыжок к победе. С. Муратова (Москва) совершает опорный прыжок, обеспечивший ей титул абсолютного чемпиона страны.

Третий призер всесоюзного чемпионата, молодой украинский гимнаст Ю. Титов выполняет махи на коне.

Б. Шахлин (УССР), А. Азарян (Армения) и П. Столбов (Москва) обсуждают итоги только что завершившейся спортивной борьбы.

Большой успех молодой гимнастки Российской Федерации Т. Люхиной. Она отлично выполнила сложное упражнение на равновесие и заняла третье призовое место по многоборью.

Из недавнего прошлого

Сало ФЛОР

Когда советские шахматисты прилетели в 1954 году в столицу Аргентины Буэнос-Айрес, то многие из нас спешили в тот же вечер посетить крупнейший шахматный «Клуб Ахедрез Архентина». В его стенах в 1927 году в матче на первенство мира сражались А. Алехин и Х. Капабланка. Гордостью клуба являются шахматный столик и фигуры, которыми играли два крупнейших шахматиста.

В матче СССР — Аргентина за этим столиком и этими фигурами на первой доске имели честь играть Д. Бронштейн и М. Найдорф.

В «Клубе Ахедрез Архентина» есть несколько толстых альбомов с вырезками из многих газет, в которых комментировался знаменитый матч между Алехиным и Капабланкой. Там есть также шаржи. На одном из них гроссмейстеры нарисованы с длинными бородами. Почему? Потому, что предполагалось, что Алехин и Капабланка будут играть этот матч до... преклонного возраста.

По условиям соревнований чемпионом мира становился тот, кто победит в шести партиях. Ничьи в счет не принимались. А в матче было много ничьих.

В шахматном мире не верили, что Алехин может шесть раз победить кубинца. Многие не верили и в то, что Капабланка способен шесть раз выиграть у Алехина.

После 75-дневной напряженной борьбы, за которой тогда следил весь спортивный мир, матч все же закончился.

28 ноября телеграфные агентства из Буэнос-Айреса сообщили: «Алехин совсем близок к своей цели».

Действительно, на следующий день Капабланка сдался в отложенной 34-й партии. Все! Со счетом 6 : 3 (25 ничьих) победил Александр Алехин. Интересно, что Капабланка сдал 34-ю партию и поздравил нового чемпиона мира в письменной форме. Немного странный способ поздравления...

Великолепную победу Алехина можно назвать исторической. Гений Алехина победил хваленую технику Капабланки, шахматиста, которого прозвали шахматным автоматом.

Алехин покончил с легендой о непобедимости кубинца и убедительно опроверг утверждение Капабланки, что шахматная игра нуждается в проведении реформы. Заслуга Алехина еще и в том, что из лексикона исчез термин «ничейная смерть». Это подтверждает и новое поколение советских шахматистов, которые постоянно вносят новшества в теорию и практику игры.

Блестящая победа Алехина вызвала восторг во всем шахматном мире. И даже в Буэнос-Айресе, где «болели» за Капабланку. Любители шахмат на руках носили нового чемпиона мира по центральным улицам аргентинской столицы.

Официально Алехин был провозглашен чемпионом мира на банкете 9 декабря. Капабланка на банкет не явился. Это было не очень деликатно со стороны дипломата из Кубы. Ни устно, ни в письменной форме шахматная общественность не услышала от Капабланки традиционной фразы: «Да здравствует новый чемпион мира!»

Как очевидец, я могу подтвердить, что А. Алехин в 1935 году, когда уступил первенство мира (всего на два года) голландскому гроссмейстеру М. Эйве, громко воскликнул: «Да здравствует доктор Эйве, новый чемпион мира!»

Очень скоро после окончания буэнос-айресской битвы Капабланка начал энергичное наступление на... бумаге! В мировой шахматной литературе появились письма, адресованные Алехину. Кубинец требовал реванша. Вызов шел за вызовом, появились «дипломатические ноты» обоих гроссмейстеров, часто резкие по форме. Они стали настоящими противниками.

Шахматный мир начал уставать от «матчей по переписке» между двумя гроссмейстерами. Дело дошло до смешного: Капабланка в печати угрожал Алехину, что если он в ближайшее время не согласится на матч-реванш, то Капабланка вновь присвоит себе титул чемпиона мира. Эта угроза, конечно, вызвала у всех только иронические улыбки. Алехин был на высоте. Он блестящими успехами в турнирах доказывал свое превосходство над всеми. Алехин не избегал встречи с кубинцем. Не такой характер был у чемпиона. «Бумажная война» между гроссмейстерами велась не по вине Алехина. Дело в том, что побежденный Капабланка добивался изменений условий и в шахматном и в материальном отношении. Алехин справедливо отклонял это требование и настаивал на том, чтобы матч-реванш игрался точно в таких же условиях, что и матч в 1927 году.

Прошло девять лет с момента окончания матча в Буэнос-Айресе. Наконец, состоялся турнир с участием Алехина и Капабланки. Это было в Ноттингеме в 1936 году. Партия вызвала огромный интерес. Она началась с того, что противники не подали друг другу руки. Капабланка сделал первый ход и... демонстративно ушел от доски. Подошел Алехин, сделал ответный ход и... тоже ушел. В таком «оригинальном» стиле игралась вся партия, и многочисленным фоторепортерам так и не удалось заснять обоих гроссмейстеров за шахматной доской.

Партию выиграл тогда Капабланка, и в печати снова поднялась шумиха вокруг матч-реванша, тем более, что в этом крупном турнире Капабланка играл успешно, он поделил первое и второе места с М. Ботвинником.

Но матч-реванш не состоялся!

В жизни человека бывает много интересного и непредвиденного. Разве не ирония судьбы, что на турнире восьми гроссмейстеров в Голландии в 1938 году жребий свел Капабланку с Алехиным 19 ноября, в день пятидесятилетия кубинца!

Никогда не забуду этот день в небольшом голландском городе Арнгеме. За полчаса до начала тура я встретил Алехина в парикмахерской.

— Правильно, сегодня надо себя привести в порядок,— сказал я.

Чемпион мира нервно и коротко ответил:

— Постараюсь, чтобы обошлось без торжества.

Что он этим хотел сказать, выяснилось позже.

Тур начался с того, что Капабланку приветствовали зрители, преподнесли цветы, подарки, произносили речи. Вообще все было очень мило. Опоздал только Алехин. Случайно? Трудно сказать. Возможно, что он вспомнил отсутствие Капабланки на банкете в Буэнос-Айресе 9 декабря 1927 года.

Началась игра. Капабланка, вероятно, не возражал против короткой ничьей, чтобы скорее освободиться и отметить свой юбилей. Но делать ничью с Алехиным было не так просто, если он этого не хотел. Чемпион мира был настроен весьма агрессивно и страшным образом разгромил юбиляра. Нанеся такое поражение, он совершенно испортил юбиляру праздничное настроение. До поздней ночи кубинец горько переживал свою шахматную аварию.

Не думали мы, участники этого турнира, что эта «юбилейная партия» войдет в шахматную историю как последняя, которую играли между собой два знаменитых шахматиста. Вот как она протекала:

А. Алехин — Х. Капабланка

1. e2—e4 e7—e6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—d2 Kg8—f6 4. e4—e5 Kf6—d7 5. Cf1—d3 c7—c5 6. c2—c3 Kb8—c6 7. Kg1—e2 Фd8—b6 8. Kd2—f3 c5 : d4 9. c3 : d4 Cf8—b4+ 10. Kpe1—f1 Cb4—e7 11. a2—a3 Kd7—f8 12. b2—b4 Cc8—d7 13. Cc1—e3 Kc6—d8 14. Ke2—c3 a7—a5 15. Kc3—a4 Фb6—a7 16. b4—b5 b7—b6 17. g2—g3 f7—f5 18. Kpf1—g2 Kd8—f7 19. Фd1—d2 h7—h6 20. h2—h4 Kf8—h7 21. h4—h5 Kf7—g5 22. Kf3—h4 Kg5—e4 23. Фd2—b2 Kpe8—f7 24. f2—f3 Ke4—g5 25. g3—g4 f5 : g4 26. Cd3—g6+ Kpf7—g8 27. f3—f4 Kg5—f3 28. Cg6 : h7+ Лh8 : h7 29. Kh4—g6 Ce7—d8 30. Лa1—c1 Cd7—e8 31. Kpg2—g3 Фa7—f7 32. Kpg3 : g4 Kf3—h4 33. Kg6 : h4 Фf7 : h5+ 34. Kpg4—g3 Фh5—f7 35. Kh4—f3 h6—h5, и черные просрочили время; с таким же успехом они могли и сдаваться.

Александр Алехин.

Любопытно, что победой в этой партии Алехин уравнял счет во всех встречах с Капабланкой. Четвертьвековая борьба закончилась вничью! По семь партий оба гроссмейстера выиграли и 33 раза сыграли вничью в разных турнирах на разных континентах.

Капабланка жаловался на Алехина и говорил:

— Он меня победил за шахматной доской в Буэнос-Айресе; этого ему мало. Он хочет меня победить и физически, пережить меня. 8 марта 1942 года Капабланке, который находился в шахматном клубе в Нью-Йорке, стало плохо. Его отвезли в больницу. В тот же день он умер.

Алехин ненадолго пережил своего долголетнего соперника. 24 марта 1946 года в комнате Палас-отеля в Эсториль (около Лиссабона), так же от разрыва сердца, как и Капабланка, в возрасте 53 лет умер непревзойденный чемпион мира Алехин. Скончался он около шахматной доски.

Ровно 30 лет тому назад великий русский шахматист Александр Алехин вошел в историю как четвертый чемпион мира. Победа ему доставалась трудно. Трудно главным образом потому, что в то время не было порядка в системе розыгрыша первенства. Большую роль играл доллар. Чемпионы мира в прошлом часто капризничали и диктовали всякого рода условия.

В наше время существует идеальный порядок в системе розыгрыша. Сейчас решают не доллар, а только реальная сила шахматиста и международные правила, разработанные ФИДЭ.

Каменные куницы

В горной части Крымского полуострова водится ценный пушной зверек — каменная куница, или белодушка. Излюбленное ее место жилья — старые, дуплистые леса. При выборочной рубке часто можно найти гнезда куниц. Перепуганные стуком, куницы убегают и бросают молодых, которые в большинстве случаев гибнут.

Весной этого года мы нашли совершенно беспомощных четырех полуслепых молодых куниц и подсадили их под кошку, предварительно удалив котят. Кошка охотно приняла питомцев и стала заботливо за ними ухаживать. Растут молодые куницы быстро, поэтому пришлось их сначала подкармливать коровьим молоком из рожка, а затем разной пищей, как котят. Сейчас зверьки выросли, однако кошка по-прежнему заходит к ним в клетку. По образу жизни куницы напоминают кошек, только агрессивно относятся ко всем, кроме приемной матери и ее нового потомства.

Белогорск. **П. АНДРЕЕВ**

КАРТОФЕЛИНА-УТКА

Эту картофелину, напоминающую утку, мы выкопали на поле целинного зерносовхоза имени Кирова, Узункольского района, Кустанайской области, где в этом году работали студенты нашего института. Весит она 800 граммов. Для взрослой утки маловато, а для картофелины очень неплохо.

Ирина ДОРОГУНЦЕВА,
студентка 1-го Московского медицинского института имени Сеченова.

Скульптор—ветер

Подобные природные «скульптуры» можно видеть, проезжая по Баянгольскому тракту Бурят-Монгольской АССР.

Улан-Удэ. **Ю. БОЛОТСКИЙ**

Вот какую работу проделал ветер неподалеку от города Кыштыма. Сюрприз природы в народе называют «Чертовы ворота».

Кыштым. **Г. ЗАХАРОВ**

ПОМОЩЬ ОХОТНИКОВ

На «боевом счету» офицера в отставке В. Карпова сорок хищников.

В окружной совет военных охотников часто обращаются руководители районов, колхозов и совхозов Оренбургской и соседних областей. Они просят помочь им избавиться от серых разбойников. Охотники немедленно выезжают на любом виде транспорта, вплоть до самолета. Недавно бригада охотников под руководством опытного егеря С. Тимофеева в Переволоцком районе убила трех волков, которые накануне зарезали в колхозе несколько овец.

В этом году военные охотники-южноуральцы спасли от гибели сотни голов колхозного и совхозного скота: они уничтожили 136 волков.

Е. ВЕРСТУКОВ
Оренбург.

СЛУЧАЙ НА ВОЛХОВЕ

Рыбаки завели невод на широком плесе и начали вываливать на берег. Показалась мотня, в ней бились окуни, лещи, щуки. Один из рыбаков вошел в воду и, подхватив руками нижнюю веревку невода, стал поджимать ее ко дну, чтобы не ушла рыба. Внезапно рыбак испуганно вскрикнул и отскочил. В мотне билось необыкновенное существо. Из воды показывался то большой хвост, то птичья голова с изогнутым клювом.

Когда невод вытянули, загадка разрешилась. Оказывается, на спине у пудовой щуки находился крупный ястреб-рыболов. В железной хватке сомкнулись его когти на щучьей спине. Было ясно, что борьба между пернатым и речным хищниками закончилась победой рыбы. Утопив ястреба, щука так и жила с мертвым наездником на спине, пока не попалась в невод.

Ленинград. **Б. БЫКОВ**

Страничка истории

По стопам Афанасия Никитина

После Афанасия Никитина на долгое время ни одному русскому посольству не удавалось достичь Индии. В 1695 году молодой Петр I отправил очередное посольство с партией товаров, главным образом с мехами. Возглавил его купец Семен Мартынович Маленький. Посол вез с собой грамоту Петра, в которой индийскому правителю предлагалось начать взаимовыгодную торговлю. Отряд в двадцать человек благополучно достиг Астрахани, где тогда проживало около ста индийских купцов и ремесленников. Посол нашел среди них переводчика. За Астраханью начинался долгий путь в Индию, по которому прошел Никитин.

В Шемахе посольский караван был на полгода задержан местным ханом. Откупившись соболями, русские дошли до города Исфагана, столицы Персии, и, хорошо «отдохнув там, двинулись к берегам Персидского залива.

В январе 1697 года попутный ветер доставил корабль, нанятый за русские меха, к берегам Индостана, в порт Сурат. А через три месяца послов милостиво принимал правитель. Он позволил русским купцам беспошлинно торговать в своей стране.

Через год С. Маленький совершил торговое путешествие по Индии. Купцы объехали многие районы северо-западной Индии, побывали в Дели и Агре. После четырехлетнего пребывания в гостеприимной стране, в январе 1701 года посольство на двух кораблях, нагруженных краской, сахаром, какао и другими товарами, отплыло в обратный путь. У устья Персидского залива неожиданно нагрянули пираты. Они захватили один корабль с товарами. Семен Маленький с большинством товарищей сумел на другом судне скрыться.

Когда зажили раны, путешественники двинулись на север. Снова приветливый Исфаган, Тегеран. На горизонте вырисовывались снежные вершины Кавказа. И — новая беда: заболели и умерли С. Маленький и его помощник С. Анникеев.

Только летом 1702 года посольство вернулось в Москву.

Г. КУРИЛЕНКО,
действительный член Географического общества СССР.
Ленинград.

Он рисует только по клеточкам.
Изошутка Э. и Л. Григо.
Калининград.

Новые китайские марки

Китайские строители к восьмой годовщине Китайской Народной Республики закончили сооружение Уханьского моста.

В день народного праздника по новому мосту двинулись поезда и колонны автомашин. А под мостом, вверх и вниз по Янцзы, пошли корабли любого тоннажа, вплоть до океанских.

В Китае были выпущены две новые почтовые марки с изображениями Уханьского моста через реку Янцзы.

ФАН ШАН-ТЮН,
студент Шанхайского института иностранных языков.
Шанхай.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

КРЮЧОК

Крючок всякий раз умирал от страха, что рыба его проглотит, и поэтому очень сердился на своего хозяина, который подвергал его такому риску.

Но когда руки хозяина бережно высвобождали его из рыбьего рта, а лицо хозяина при этом улыбалось, Крючок думал:

«Ведь рад же, вон как рад, что я цел остался! Поволновался, видно, бедняга из-за меня! А сейчас опять забросит в воду. Зачем? Странное существо — человек!»

МОДНИЦЫ

Мухи — ужасные модницы. Они останавливаются возле каждого куска приглянувшейся им паутины, осматривают ее, ощупывают, спрашивают у добродушного толстяка Паука:

— Почем миллиметр?

И платят обычно очень дорого.

Ужгород. **Ф. КРИВИН**

Рисунок Е. Гурова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

В одной из церквей города Вильнюса, сооруженной в 1345 году супругою князя Ольгерда Марией Ярославной, находится мемориальная доска с такой надписью:

«В сей церкви император Петр Великий в 1705 году слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, и крестил в ней африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина».

Архитектор П. РАГУЛИН

Хлопотунья-ласточка строила себе жилище над моим окном, под самой стрехой. Пташка, не уставая, таскала в клюве то глину, то песок, то соломинку. Меньше чем за три дня гнездо было готово. У птички, видимо, были важные причины, чтобы спешить с окончанием строительства. На весеннем солнышке гнездо быстро обсохло, укрепилось, и ласточка уже мчалась к колхозному коровнику за сеном.

Вернувшись из очередного рейса с грузом в клюве, ласточка обнаружила в своем гнезде воробья. Поднялся отчаянный писк. Как ни билась ласточка, воробей из гнезда не уходил. Жалобно металась хозяйка вокруг своего дома. На помощь прилетели другие ласточки. Шум нарастал, но воробей не хотел так просто сдаваться.

Тогда ласточки отлетели к телефонному проводу. Хозяйка дома умчалась куда-то и быстро вернулась. В клюве у нее был зажат червячок. Она поднесла свою добычу к отверстию гнезда, а воробей ловко схватил червячка и тут же проглотил его. Было странно видеть, как ласточка кормила воробья, отнявшего у нее дом. А она знай себе приносила в клюве то мушку, то червячка, то зернышко.

Я не понимал ласточек. Может, они решили, что воробей захворал и недуг загнал его в чужое гнездо? Больному ведь надо помочь. Так продолжалось два дня. А воробей, как говорится, и в ус не дул. Чужая квартира и бесплатное питание его вполне устраивали. Тогда ласточки переменили тактику.

Расправа пришла неожиданно. Несколько ласточек принесли по комочку густой глины, и отверстие гнезда в одно мгновение оказалось наглухо забитым. Еще слышен был отчаянный писк захватчика, а ласточки уже весело мчались к речке и назад. Все вместе они спешно строили новое жилище своей подруге.

Е. СЕРЕБРОВ

На вкладках этого номера репродукции картин: В. Соколова «Костры походные», М. Труфанова «Доменщики», Н. Воронова «Утро в Октябре», Г. Томенко «В полдень», В. Загонека «Рябинушка», В. Цирко «Полдень» — и четыре страницы цветных фотографий.

«Слезливая» монстера

На окнах комнат часто встречается декоративное растение монстера, родина которого — Бразилия. Монстеру в обиходе называют «плаксой». Бывает, что в пасмурную погоду монстера начинает «плакать»: на конце листьев появляются капельки.

Рассматривая в микроскоп края листьев монстеры, можно заметить, что у окончания жилок имеются особые отверстия — водяные устьица. Через них и выдавливается вода, поступающая из корней в стебель и листья. Этот процесс объясняется тропическим происхождением монстеры. На ее родине воздух теплый и влажный. Там почти нет испарения, и во влажную погоду монстера сама начинает избавляться от лишней влаги.

В комнатных условиях монстера цветет редко, но если ей создать условия, близкие к природным, она зацветает и в помещении. Почва должна быть плодородной, рыхлой, хорошо проветриваемой. На дно горшка нужно засыпать дренаж в виде черепков. Чем выше температура воздуха и чем чаще опрыскивать это растение, тем лучше будет развиваться монстера. Многочисленные воздушные корни следует обвязывать мхом и постоянно увлажнять его.

Т. ГОРДЕЕВА,
сотрудник Главного ботанического сада АН СССР.

ИНДИЙСКАЯ ЮМОРЕСКА

Папаша повел сына к зубному врачу.

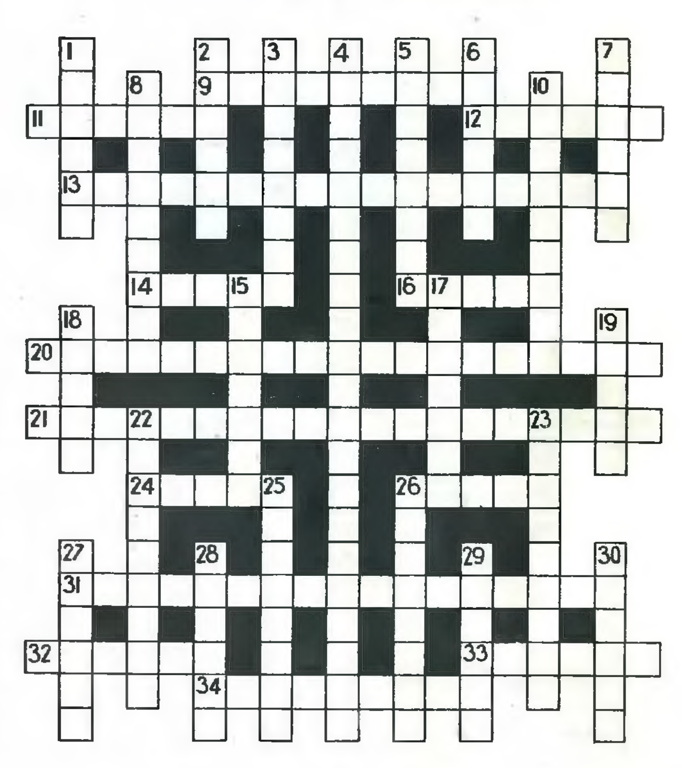
— Прошу прощения, господин,— обратился к отцу врач, вырвавший зуб.— С вас пять рупий.

— Пять рупий! — удивленно воскликнул тот.— А мне говорили, что вы берете по одной рупии с пациента!

— Совершенно верно,— подтвердил доктор.— Но когда я тащил зуб вашему сыну, он так ужасно кричал, что четверо больных, сидевших в приемной и ждавших своей очереди, сбежали.

Перевел с хинди Н. ВОЛКОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Столярный инструмент. 11. Мастерская для шитья. 12. Швейцарский живописец XVIII века. 13. Концентрированное внимание. 14. Математический знак суммы. 16. Река в Болгарии, приток Дуная. 20. Способ изготовления копий печатных форм. 21. Вежливость, услужливость. 24. Персонаж из оперы «Князь Игорь». 26. Городской сад. 31. Получение воздуха соответствующего качества. 32. Французский революционер, утопист. 33. Летописи. 34. Масса для лепки.

По вертикали:

1. Тонкая, полупрозрачная ткань. 2. Композитор XV века. 3. Обработка поверхности металла, дерева. 4. Основное качество фотопленок. 5. Заглавие сборника Н. В. Гоголя. 6. Статуя, род колонны. 7. Одежда. 8. Поверхность с двумя измерениями. 10. Английский писатель. 15. Составная часть горных пород, руд. 17. Светящийся жук. 18. Клеймо у сельскохозяйственных животных. 19. Форма соцветия. 22. Нарушение созвучия. 23. Система мероприятий Ивана Грозного. 25. Третейский суд. 26. Инструмент для обработки камня. 27. Скандинавский певец-поэт. 28. Древнегреческий скульптор. 29. Географическая область в Южной Америке. 30. Эпоха каменного века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

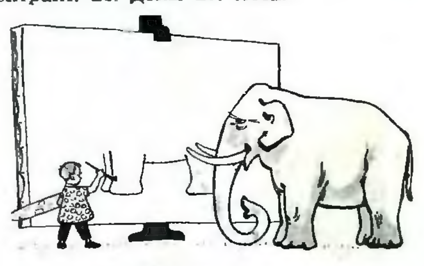
По горизонтали:

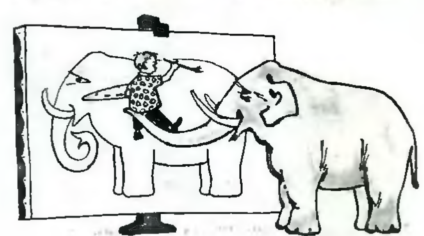
4. Баженов. 7. Мотивировка. 10. Цвет. 11. Плов. 13. Диккенс. 16. Коррозия. 17. Операция. 18. Чернослив. 19. Летописец. 21. Мотоцикл. 23. Киргизия. 24. «Теремок». 25. Этюд. 27. Лука. 28. Эквилибрист. 29. Воронка.

По вертикали:

1. Вариация. 2. Зелинский. 3. «Бородино». 5. Торт. 6. Окоп. 8. Уверенность. 9. Ботанизирка. 12. Полевод. 13. Диалект. 14. Спутник. 15. Никелин. 20. Хренников. 22. Лексикон. 23. Контракт. 26. Дека. 27. Лось.

СЛУЧАЙ В ЗООПАРКЕ

Изошутка В. Соловьева.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

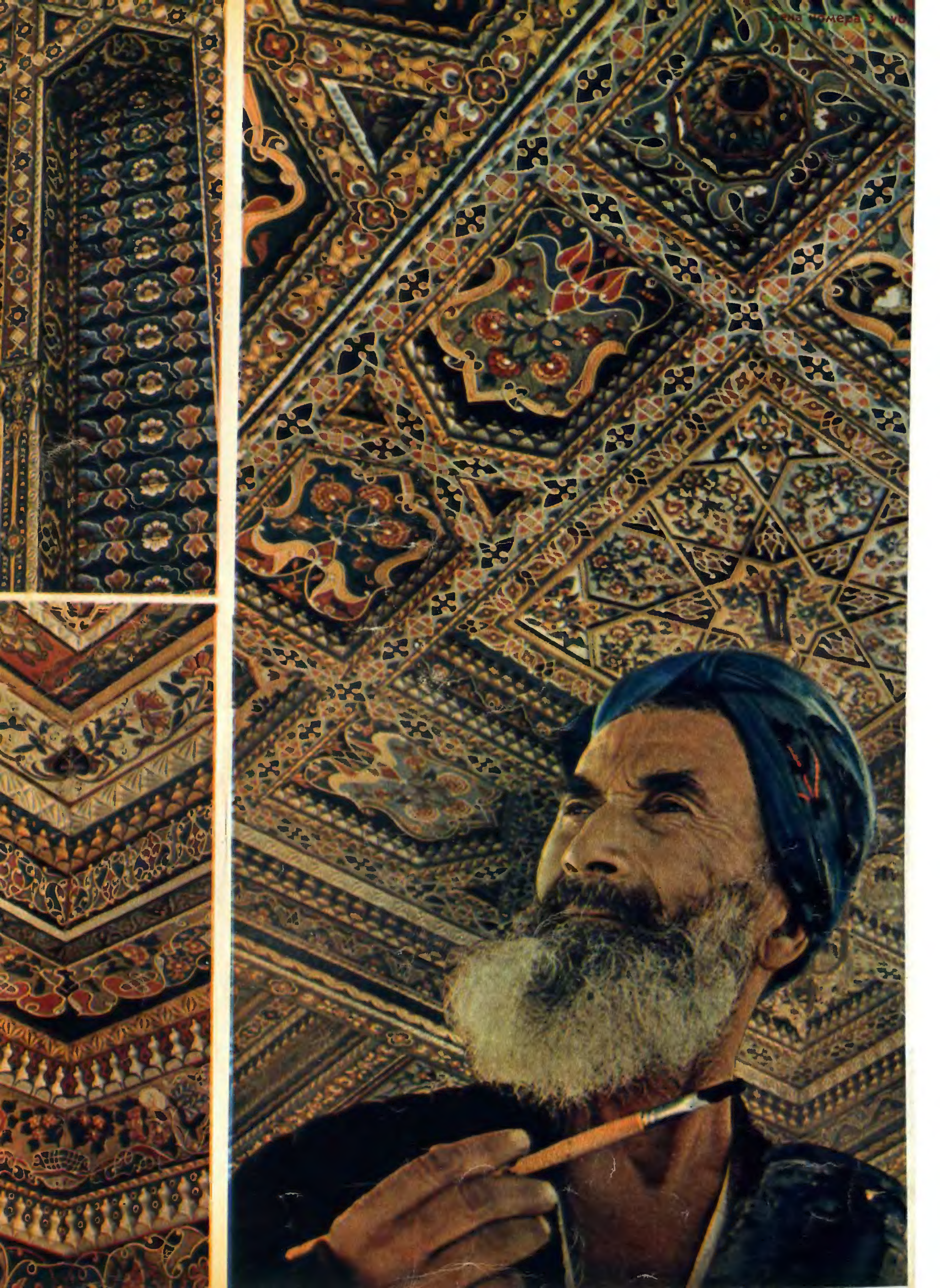
А 10434. Подписано к печати 11/XII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1291. Заказ № 3057.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Таллин. Художник Март Боормейстер любит работать здесь, у старых вязов на вышгородском холме.

Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.